

АРТУР КОНАН

ДОЙЛ

*ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ
ЗНАК ЧЕТЫРЕХ
ЗАПИСКИ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Артур Конан Дойл
Этюд в багровых тонах.
Знак четырех. Записки
о Шерлоке Холмсе
Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42679477

Этюд в багровых тонах. Знак четырех. Записки о Шерлоке Холмсе :

[сборник]: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-114391-6

Аннотация

Прошло уже больше ста лет с того момента, как был напечатан первый рассказ о знаменитом сыщике с Бейкер-стрит, а читатели всего мира по-прежнему с упоением погружаются в мир интереснейших опасных приключений Шерлока Холмса и его преданного друга, в мир туманных лондонских улиц, зловещих болот и вересковых пустошей. В первой повести сборника и первом произведении «шерлокианы» «Этюд в багровых тонах» Шерлок Холмс расследует загадочное убийство в старом доме, в зловещем «Знаке четырех» помогает осиротевшей юной особе добиться справедливости, в рассказе «Серебряный» – ... а впрочем, читайте «Записки о Шерлоке Холмсе» и наслаждайтесь!

Содержание

Этюд в багровых тонах[1]	5
Часть первая	5
1. Мистер Шерлок Холмс	5
2. Метод научной дедукции	17
3. Тайна Лористон-Гарденс	33
4. Что рассказал Джон Рэнс	51
5. Посетитель, явившийся по нашему объявлению	61
6. Тобиас Грегсон демонстрирует свои способности	73
7. Свет во тьме	87
Часть вторая	102
1. На Великой Соляной равнине	102
2. Цветок Юты	118
3. Джон Феррье говорит с Пророком	128
4. Побег ради жизни	136
5. Ангелы мщения	150
6. Продолжение воспоминаний Джона Х. Уотсона, доктора медицины	163
Конец ознакомительного фрагмента.	178

Артур Конан Дойл
Этюд в багровых тонах.
Знак четырех. Записки
о Шерлоке Холмсе

Серия «Эксклюзивная классика»

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Этюд в багровых тонах¹

Часть первая Воспоминания Джона Х. Уотсона, доктора медицины, отставного военного врача

1. Мистер Шерлок Холмс

В 1878 году я получил степень доктора медицины в Лондонском университете и отправился в Нетли² для прохождения курса полевой хирургии. По окончании занятий, в положенный срок, я был приписан в качестве ассистента хирурга к Пятому Нортумберлендскому стрелковому полку. Мой полк в то время стоял в Индии, и, прежде чем я прибыл на место службы, началась Вторая афганская кампания³. Высадившись в Бомбее, я узнал, что моя часть, преодолев перевалы, уже продвинулась далеко в глубь территории противни-

¹ © Перевод. И. Доронина, 2015

² Викторианский королевский госпиталь, расположенный неподалеку от Саутгемптона. – *Здесь и далее примеч. пер.*

³ Речь идет о кампании 1878–1880 годов.

ка. Вместе со многими другими офицерами, оказавшимися в такой же ситуации, я отправился вдогонку и, благополучно добравшись до Кандагара, нашел свой полк и сразу же приступил к исполнению новых обязанностей.

Многим эта кампания принесла славу и продвижение по службе, но для меня обернулась сплошными неудачами и бедствиями. Переведенный из своего полка в Беркширский, я участвовал в роковой битве при Мейванде⁴. Там был ранен в плечо джезайльской пулей⁵, которая раздробила мне кость и задела подключичную артерию. Я непременно попал бы в руки кровожадных газив⁶, если бы не преданность и храбрость моего ординарца Мюррея; он взвалил меня на вьючную лошадь и благополучно доставил на британские позиции.

Измученного болью и ослабленного долгими лишениями, которые выпали на мою долю, меня с полным обозом других раненых отвезли в главный госпиталь, располагавшийся в Пешаваре. Там я оправился от ранения и окреп настолько, что уже ходил по палате и даже понемногу загорал на веранде, но тут меня внезапно сразил брюшной тиф – это вечное проклятие наших индийских владений. Несколько месяцев жизнь моя висела на волоске, а когда я наконец пришел в

⁴ Битва при Мейванде, Афганистан, 27 июля 1880 года; закончилась поражением британцев.

⁵ Афганцы использовали пули, начиненные осколками ржавого металла и гвоздей.

⁶ То есть свирепых мусульманских воинов, беспощадно уничтожавших «неверных».

себя и начал выздоравливать, то оказался так слаб и истощен, что консилиум врачей решил, не медля ни дня, отправить меня в Англию. Меня доставили на транспортное судно «Оронт» и месяц спустя высадили в Портсмуте с непоправимо разрушенным здоровьем. Впрочем, отечески заботливое правительство разрешило мне использовать следующие девять месяцев на то, чтобы попытаться поправить его.

В Англии я не имел ни друзей, ни родственников, поэтому был свободен как ветер – по крайней мере настолько, насколько может быть свободен человек, получающий одиннадцать шиллингов и шесть пенсов в день. В подобных обстоятельствах меня, естественно, потянуло в Лондон, в этот отстойник, куда непреодолимо стекаются все праздношатающиеся бездельники Империи. Там я жил некоторое время в частной гостинице на Стрэнде, ведя тоскливое и бессмысленное существование и тратя имевшиеся у меня деньги весьма беспечно. Вскоре мое финансовое положение стало ужасающим, и я понял, что должен либо покинуть столицу и удалиться в деревню, либо совершенно изменить образ жизни. Сделав выбор в пользу последнего, я начал раздумывать над тем, чтобы съехать из гостиницы и поселиться в каком-нибудь менее фешенебельном и дорогом жилище.

В тот самый день, когда я пришел к этому решению, в «Крайтирион-баре» кто-то похлопал меня по плечу, и, обернувшись, я узнал молодого Стэмфорда, некогда работавшего

у меня фельдшером в госпитале «Бартс»⁷. Одинокому человеку всегда приятно увидеть дружеское лицо в необозримой пустыне Лондона. В прежние времена мы со Стэмфордом не были закадычными друзьями, но теперь я приветствовал его с бурным восторгом, и он тоже, казалось, искренне обрадовался встрече. В порыве чувств я пригласил его пообедать со мной в ресторане «Холборн», куда мы и отправились в извозчичьей пролетке.

– Что, черт возьми, происходило с вами все это время, Уотсон? – спросил он с нескрываемым изумлением, пока мы тряслись по запруженным людьми лондонским улицам. – Вы тощий, как жердь, и коричневый, как орех.

Я кратко поведал ему о своих приключениях и едва успел закончить рассказ, как мы прибыли к месту назначения.

– Бедолага! – посочувствовал Стэмфорд, выслушав сагу о моих несчастьях. – И чем же вы занимаетесь теперь?

– Ищу жилье. Пытаюсь решить проблему: можно ли найти удобную квартиру за разумную цену?

– Как странно, – заметил мой спутник, – за сегодняшний день вы второй человек, от которого я слышу это выражение.

– А кто был первым? – поинтересовался я.

– Один мой приятель, работающий в химической лаборатории госпиталя. Он присмотрел славную квартиру и сегодня утром жаловался, что не может найти партнера, чтобы снять ее на двоих, – ему одному она не по карману.

⁷ Старейшая лондонская больница.

– Вот это удача! – воскликнул я. – Если ему действительно нужен компаньон, чтобы разделить жилье и плату за него, я для него как раз то, что нужно. Я определенно предпочел бы иметь сотоварища, чем прозябать в одиночестве.

Молодой Стэмфорд посмотрел на меня поверх бокала немного странным взглядом.

– Вы ведь пока не знакомы с Шерлоком Холмсом, – сказал он. – Возможно, он и не подойдет вам в качестве постоянного компаньона.

– Почему? С ним что-то не так?

– О нет. Просто он слегка чудаковат – энтузиаст в некоей отрасли знания, но, судя по всему, человек вполне порядочный.

– Он, наверное, изучает медицину? – предположил я.

– Нет. Я понятия не имею, что именно изучает Холмс. Кажется, он преуспел в анатомии и первоклассный химик, но, насколько мне известно, систематически медициной никогда не занимался. Его занятия очень бессистемны и необычны, но благодаря им Холмс накопил такое количество побочных знаний, что поразил бы любых профессоров.

– И вы никогда не спрашивали у него, чем конкретно он занимается? – удивился я.

– Нет. Холмс не из тех, кого легко разговорить, хотя бывает весьма словоохотлив, когда им овладевает некая фантазия.

– Я хотел бы с ним познакомиться. Если уж делить с кем-

нибудь жилье, я предпочел бы человека со спокойными привычками и преданного науке. Для шума и острых ощущений я еще недостаточно окреп. Всего этого я столько испытал в Афганистане, что хватит до конца моего земного существования. Так как же мне познакомиться с вашим приятелем?

– Он наверняка у себя в лаборатории. Холмс либо неделями глаз туда не кажет, либо работает там с утра до ночи. Если хотите, можно поехать к нему сразу после обеда.

– Конечно, – обрадовался я, и разговор переключился на другие темы.

После того как мы вышли из «Холборна» и направились в госпиталь, Стэмфорд поведал мне еще кое-что об особенностях джентльмена, с которым я вознамерился соседствовать.

– Только если вы с ним не поладите, меня не вините, – предупредил он. – Я знаю о нем лишь то небольшое, что успел выяснить во время случайных встреч в лаборатории. Поскольку вы сами решили с ним съехаться, вся ответственность ложится на вас.

– Если мы не поладим, то попросту расстанемся, – ответил я и добавил: – Стэмфорд, по-моему, вы умываете руки не без причины. Может быть, у этого человека чудовищный характер или есть что-то еще? Не бойтесь, скажите откровенно.

– Не так-то просто выразить невыразимое, – рассмеялся он. – На мой вкус, Холмс слишком одержим наукой, и порой это граничит с бездушием. Я, например, вполне могу представить себе, как он дает другу щепотку новейшего расти-

тельного алкалоида – и не по злобе, уверяю вас, а из любви к научному эксперименту: чтобы скрупулезно зафиксировать симптомы воздействия яда. Но, надо отдать ему должное, полагаю, скорее и с полной готовностью он примет препарат сам. Судя по всему, у Холмса страсть к точному и проверенному знанию.

– В этом нет ничего дурного.

– Конечно, но иногда он преступает границу. Когда дело доходит до избияния палкой трупов в прозекторской, это выглядит слишком уж эксцентрично.

– Избияния трупов?!

– Да, чтобы проверить, в течение какого времени после смерти на теле могут образоваться синяки. Я своими глазами видел, как Холмс это проделывает.

– И вы еще говорите, что он не изучает медицину?

– Нет. Одному Богу известно, каков предмет его научных поисков. Но вот мы и приехали, так что сейчас у вас появится возможность составить о нем собственное представление.

При этих его словах мы свернули в узкий проулок и вошли в маленькую боковую дверь, ведущую в одно из крыльев большого госпиталя. Здесь все было мне знакомо, и я не нуждался в проводнике, чтобы подняться по тускло освещенной каменной лестнице и пройти по длинному коридору с открывающейся перспективой беленых стен и выкрашенных серовато-коричневой краской дверей. Ближе к концу коридора низкая арка открывала проход в боковое ответвление, упи-

раующееся в химическую лабораторию.

Это была комната с высоким потолком и выстроившимися на полках вдоль стен, а кое-где стоящими как попало разнообразными пузырьками и склянками. На широких низких столах, расставленных без всякой системы, теснились реторты, пробирки и маленькие бунзеновские горелки, над которыми колыхались мерцающие язычки синего пламени. В комнате находился только один исследователь. Поглощенный работой, он сидел, склонившись над дальним столом. Услышав наши шаги, он оглянулся и вскочил с радостным криком.

– Я нашел его! Нашел! – сообщил он моему спутнику, бросаясь к нам с пробиркой в руке. – Я нашел реагент, который осаждает только гемоглобин, и ничего больше.

Найди он золотую жилу, большего восторга его лицо все равно не выразило бы.

– Доктор Уотсон, мистер Шерлок Холмс, – представил нас друг другу Стэмфорд.

– Рад познакомиться, – сердечно произнес Холмс, сжав мою руку с силой, какой я в нем не предполагал. – Вижу, вы прибыли из Афганистана.

– Господи, как вы это узнали? – Я был потрясен.

– Не важно. – Он усмехнулся чему-то своему. – Сейчас главное – гемоглобин. Вы, конечно, понимаете значение этого моего открытия?

– С точки зрения химии это, безусловно, интересно, – от-

ветил я. – Но что касается практической пользы...

– Помилуйте! Это самое полезное для судебной медицины открытие за все последние годы. Неужели вы не догадываетесь, что оно дает возможность проводить безошибочно точный анализ следов крови? Идите же сюда! – Холмс нетерпеливо схватил меня за рукав и потянул к своему столу. – Давайте-ка добудем немного свежей крови. – Он вонзил себе в палец длинную иглу и всосал показавшуюся каплю крови химической пипеткой. – Теперь я развожу это небольшое количество крови в литре воды. Видите, раствор по-прежнему выглядит как совершенно чистая вода. Содержание крови в нем не превышает одной миллионной доли. И тем не менее я не сомневаюсь, что мы получим характерную реакцию.

Продолжая говорить, Холмс всыпал в сосуд несколько белых кристаллов и добавил две-три капли прозрачной жидкости. В следующий же миг содержимое сосуда приобрело тусклый красновато-коричневый цвет, и на дно выпал коричневый осадок.

– Ха-ха! – ликуяще воскликнул Холмс, хлопая в ладоши и глядя восторженно, как ребенок, получивший новую игрушку. – Ну, что вы об этом думаете?

– По-моему, это очень тонкий анализ, – заметил я.

– Превосходный! Превосходный! Старый гваяколовый⁸ анализ чересчур громоздок и неточен, как и исследование

⁸ Слово происходит от названия произрастающего в Вест-Индии и Южной Америке гваякового дерева.

частиц крови под микроскопом. Последнее вообще теряет всякий смысл, если кровавые пятна оставлены несколько часов назад. А мой новый анализ, видимо, вообще не зависит от давности пятен. Если бы эта методика существовала раньше, сотни людей, поныне свободно топчущих землю, были бы давным-давно осуждены за свои преступления.

– В самом деле! – пробормотал я.

– Очень часто расследование упирается в эту единственную загвоздку. Представьте себе: человека заподозрили в преступлении, совершенном, быть может, за несколько месяцев до того. Осмотрев его белье или одежду, нашли на них коричневатые пятна. Что они собой представляют: следы крови, грязи или ржавчины, а может, это следы фруктового сока или что-то еще? Этот вопрос ставил в тупик многих экспертов. А почему? Потому что не существовало надежной методики анализа. Теперь есть анализ по Шерлоку Холмсу, и больше никаких трудностей не будет.

Его глаза сияли, и, прижав руку к сердцу, он поклонился воображаемой рукоплещущей толпе.

– Вас следует поздравить, – заметил я, весьма удивленный его безудержным энтузиазмом.

– В прошлом году во Франкфурте расследовали дело фон Бишхоффа. Если бы мой анализ был уже принят на вооружение, преступника непременно повесили бы. А еще было дело Мейсона из Брэдфорда, дела пресловутого Мюллера, Лефевра из Монпелье, Сэмсона из Нового Орлеана. Я могу назвать

десятки дел, в расследовании которых мой анализ сыграл бы решающую роль.

– Вы просто ходячая энциклопедия преступлений, – рассмеялся Стэмфорд. – Вам впору основать соответствующую газету. Назовите ее «Полицейские новости из прошлого».

– И, уверяю вас, это было бы весьма увлекательное чтение, – подхватил Шерлок Холмс, заклеивая прокол на пальце пластырем. – Нужно быть осторожным, – объяснил он, обернувшись ко мне с улыбкой, – я много вожусь с ядами. – Холмс вытянул руку, и я заметил, что вся она покрыта кусочками пластыря и во многих местах обесцвечена сильными кислотами.

– А мы пришли по делу. – Стэмфорд уселся на высокий трехногий стул и мысом ботинка подтолкнул мне другой такой же. – Вот этот мой друг хочет снять берлогу, а поскольку вы жаловались, что не можете найти напарника, который согласится оплачивать квартиру пополам с вами, я решил свести вас.

Шерлока Холмса, похоже, восхитила идея соседствовать со мной.

– Я приглядел квартиру на Бейкер-стрит, – пояснил он. – Думаю, она подошла бы нам по всем статьям. Надеюсь, вы ничего не имеете против запаха крепкого табака?

– Я сам всегда курил матросскую махорку, – ответил я.

– Прекрасно. Еще у меня повсюду стоят химикаты, и я время от времени провожу опыты. Это не будет мешать вам?

– Ни в коей мере.

– Так, позвольте прикинуть – какие еще у меня есть недостатки. Порой на меня нападает хандра, и тогда я неделями не открываю рта. В таких случаях вы не должны думать, что я дуюсь. Просто оставьте меня в покое, и я скоро приду в норму. А вам есть в чем признаться? Если двое мужчин собираются жить вместе, худшее друг о друге им лучше знать заранее.

Меня позабавил этот допрос, и я рассмеялся.

– У меня есть щенок бульдога, и я не выношу шума из-за моих расшатанных нервов; еще я безбожно поздно встаю и чрезвычайно ленив. Когда я здоров, набор грехов у меня иной, но в настоящее время основные – эти.

– Включаете ли вы в категорию «шума» игру на скрипке? – встревожился Холмс.

– Это зависит от того, кто играет. Хорошая игра на скрипке – божественное удовольствие, плохая же...

– О, не беспокойтесь, – с радостным смехом перебил он меня. – Полагаю, мы договорились – то есть в том случае, если вас устроит квартира.

– Когда можно осмотреть ее?

– Заезжайте за мной сюда завтра в полдень, мы вместе поедем и все уладим.

– Отлично – ровно в полдень. – Я пожал ему руку.

Оставив Холмса колдовать над его реактивами, мы со Стэмфордом пешком отправились к моей гостинице.

– Кстати, – вдруг спросил я, останавливаясь, – откуда, черт побери, он узнал, что я приехал из Афганистана?

Мой спутник загадочно улыбнулся.

– Это еще одна его маленькая особенность. Очень многие хотели бы понять, откуда Холмс все узнаёт.

– О! Тайна, не так ли? – воскликнул я, радостно потирая руки. – Это очень пикантно. Весьма признателен вам за то, что вы свели нас. Помните: «Вотще за Богом смертные следят. На самого себя направь ты взгляд»⁹.

– Ну, тогда постарайтесь направить взгляд на Холмса и узнать его. – Стэмфорд помахал мне на прощание рукой. – Желаю удачи, однако увидите: это очень непростая задача. Держу пари: он о вас узнает куда больше, чем вы о нем. Прощайте.

– Прощайте, – ответил я и зашагал к гостинице, весьма заинтригованный моим новым знакомцем.

2. Метод научной дедукции

На следующий день мы встретились, как было условлено, и осмотрели квартиру на Бейкер-стрит, 221-б, о которой Холмс рассказывал накануне. Квартира состояла из двух удобных спален и общей просторной гостиной, нескучно обставленной и светлой: с двумя широкими окнами. Жилище

⁹ Александр Поуп. «Опыт о человеке в четырех эпистолах». Эпистола II, строки 1–2. (Перевод В. Микушевича.)

показалось нам обоим столь идеально подходящим, а плата, если делить ее пополам, столь умеренной, что сделка была заключена немедленно, и мы вступили в права владения. Я перевез вещи из гостиницы в тот же вечер, а на следующее утро и Шерлок Холмс последовал моему примеру. Его багаж состоял из нескольких коробок и дорожных сумок. Целый день мы трудолюбиво распаковывали и раскладывали свои пожитки, чтобы обустроиться наилучшим образом. А покончив с этим, начали постепенно обживать свою новую квартиру.

Неудобным соседом Холмса со всей очевидностью назвать было нельзя: привычки он имел постоянные и мирные. Редко бодрствовал после десяти вечера, а по утрам неизменно завтракал и уходил прежде, чем я просыпался. Порой он весь день проводил в химической лаборатории, иногда – в прозекторской, а время от времени – в долгих прогулках, которые, видимо, заводили его в самые глухие и неблагополучные уголки города. Энергия его казалась неистощимой, когда Холмс впадал в рабочий раж; но периодически она словно иссякала, и он мог дни напролет лежать в гостиной на диване с окаменевшим лицом, не произнося почти ни единого слова. В подобные периоды я замечал в глазах Холмса такую мечтательную отрешенность, что, не ведя он столь трезвый и воздержанный образ жизни, я заподозрил бы его в употреблении какого-нибудь наркотика.

Неделя шла за неделей, и мой интерес к Холмсу и его жиз-

ненным устремлениям становился все глубже и настойчивее. Сама личность Холмса и его внешний облик были таковы, что привлекали внимание даже самого поверхностного наблюдателя. Ростом немногим более шести футов, он был так худ, что казался значительно выше. Взгляд у Холмса был острый и пронизательный, за исключением тех периодов, когда он впадал в апатию, о них я уже упоминал; тонкий орлиный нос придавал лицу вид настороженный и решительный. Квадратный, несколько выдающийся вперед подбородок тоже свидетельствовал о том, что Холмс – человек волевой. Его руки, всегда перепачканные чернилами, изобиловали следами воздействия химических препаратов, хотя действовал он ими исключительно деликатно, в чем я неоднократно имел возможность убедиться, наблюдая, как Холмс манипулирует своим хрупким научным инструментарием.

Читатель может счесть меня неисправимым пронырой, поскольку я сам признаюсь, какое любопытство вызывал во мне этот человек и как часто я позволял себе покушаться на его сдержанность, касающуюся всего, что связано с ним самим. Однако, прежде чем вынести подобный приговор, вспомните, сколь бесцельной была тогда моя жизнь и сколь мало было в ней такого, что могло бы привлечь мое внимание. Здоровье позволяло мне выходить из дома только в очень теплую и солнечную погоду, а друзей, которые навещали бы меня и скрашивали монотонность моего повседневного существования, я не имел. Неудивительно, что

в подобных обстоятельствах меня неодолимо влекла тайна, окружавшая моего нового товарища, и я тратил немало времени, пытаюсь проникнуть в нее.

Медицину Холмс действительно не изучал. В ответ на мой вопрос он сам подтвердил мнение Стэмфорда на этот счет. Судя по всему, не занимался он систематически и самообразованием, что позволило бы ему претендовать на научную степень или иную форму признания, открывающую дверь в ученый мир. Тем не менее страсть Холмса к определенного рода исследованиям была настолько исключительной, а его знания в весьма редких предметах настолько обширны и doskonaльны, что иные его наблюдения меня просто ошеломляли. Разумеется, никто не стал бы работать так усердно или копить знания так тщательно, если бы не стремился достичь какого-то конкретного результата. Читатели, предающиеся бессистемному чтению, редко отличаются глубиной познаний. Ни один человек не будет эксплуатировать свой мозг, разбираясь в незначительных на первый взгляд проблемах, если у него нет весьма основательной причины делать это.

Невежество Холмса было столь же удивительным, сколь и его познания. О современной литературе, философии и политике он не знал почти ничего. Когда я процитировал Томаса Карлейля¹⁰, он с наивнейшим видом поинтересовался, кто это такой и чем знаменит. Однако мое изумление достигло кульминации, когда я случайно обнаружил, что Холмс – пол-

¹⁰ Карлейль, Томас (1795–1881) – английский публицист, историк и философ.

ный невежда в области теории Коперника и строения Солнечной системы. То, что в девятнадцатом веке существует человек, не имеющий понятия о том, что Земля вращается вокруг Солнца, показалось мне таким неправдоподобным, что я почти не мог в это поверить.

– Вижу, вы удивлены. – Холмс с улыбкой наблюдал за обескураженным выражением моего лица. – Но теперь, когда вы меня просветили, я постараюсь как можно скорее забыть эту информацию.

– Забыть?!

– Видите ли, – пояснил он, – по моему убеждению, человеческий мозг изначально представляет собой маленькую пустую мансарду, которую вам предстоит обставить по собственному усмотрению. Дурак тащит туда всякую деревяшку, какая встретится на пути, поэтому знание, которое ему действительно может понадобиться, вытесняется оттуда или оказывается захлапленным стольким количеством ненужных вещей, что добыть его в случае необходимости просто невозможно. Человек же разумный очень избирателен по отношению к тому, что он размещает в своей интеллектуальной мансарде. Он не станет заполнять ее ничем, кроме инструментов, нужных для выполнения его работы, но уж их-то ассортимент у него исключительно богат, и содержит их он в идеальном порядке. Ошибочно полагать, что у этого маленького помещения эластичные стены и оно может растягиваться до любых размеров. Поэтому неизбежно наступает

момент, когда для того, чтобы добавить любое новое знание, приходится выкидывать из головы какое-то из ранее приобретенных. Чрезвычайно важно не допустить, чтобы бесполезные факты вытесняли полезную информацию.

– Но Солнечная система! – не унимался я.

– А какой мне в ней прок? – нетерпеливо перебил меня Холмс. – Вы говорите, что мы вращаемся вокруг Солнца. Но если бы мы вращались вокруг Луны, для моей работы это не составило бы никакой разницы.

Казалось бы, наступил подходящий момент, чтобы спросить, в чем именно состоит работа Холмса, но что-то в его манере подсказало мне, что он может счесть вопрос неуместным. Тем не менее, поразмыслив над нашим разговором, я рискнул сделать кое-какие выводы. По словам Холмса, он не запоминал ничего, что не пригодится для решения его задач. Стало быть, набор знаний, которыми он обладал, должен указывать на род его занятий. Я мысленно перечислил разнообразные сферы, в коих Холмс обнаружил высочайшую осведомленность. Даже взял карандаш и записал их. Изучая составленный документ, я не смог удержаться от улыбки. Вот как он выглядел:

Шерлок Холмс – границы знаний

- 1. Знание литературы – ноль.*
- 2. Знание философии – ноль.*
- 3. Знание астрономии – ноль.*
- 4. Знание политики – слабое.*

5. Знание ботаники – неоднородное: хорошо осведомлен о свойствах белладонны, опиума и ядов в целом; о практическом садоводстве не знает почти ничего.

6. Знание геологии – практическое, но ограниченное: способен по внешнему виду отличать разные виды почв; после прогулок показывал мне пятна на своих брюках и по их цвету и консистенции определял, какое в каком районе Лондона получено.

7. Знание химии – глубокое.

8. Знание анатомии – точное, но не систематизированное.

9. Знание истории криминалистики – исчерпывающее. Похоже, ему досконально известны подробности всех преступлений, совершенных в нынешнем столетии.

10. Хорошо играет на скрипке.

11. Прекрасно фехтует на деревянных мечах¹¹, боксирует, блестяще владеет холодным оружием.

12. Обладает обширными практическими знаниями в области британского законодательства.

Дойдя до этого пункта, я в отчаянии швырнул свой список в огонь. «Если мне до сих пор не удалось понять, какую цель преследует человек, сочетая все эти знания и умения, и сообразить, какого рода призвание требует их всех, – сказал я себе, – то лучше сдать сразу».

¹¹ Деревянные мечи используются вместо настоящих для обучения и тренировок.

Выше я упомянул об искусной игре Холмса на скрипке. Мастерство его было действительно выдающимся, хотя и экстравагантным, как, впрочем, и все иные достоинства этого человека. То, что он умеет – и хорошо умеет – исполнять сложные сочинения, мне было отлично известно, поскольку по моей просьбе Холмс играл «Песни» Мендельсона и другие мои любимые произведения. Однако наедине с собой он редко извлекал из своей скрипки то, что можно было бы назвать собственно музыкой или хотя бы знакомой мелодией. По вечерам, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза, Холмс небрежно водил смычком по струнам лежавшего на коленях инструмента. Иногда он извлекал печальные и мелодичные звуки. Иногда – фантастические и бравурные. Несомненно, игра на скрипке каким-то образом соотносилась с мыслями, владевшими исполнителем, но понять, помогала ли ему эта его «музыка» думать или, напротив, лишь выражала прихотливую фантазию, было выше моих сил. Я мог бы возразить против таких раздражающих музыкальных экспериментов, если бы в качестве компенсации за испытание моего терпения Холмс не заканчивал их обычно стремительно-последовательным исполнением целой серии моих любимых мелодий.

В течение первой недели или около того нас никто не посещал, и я уже заподозрил, что у моего компаньона, как и у меня самого, нет друзей. Однако вскоре обнаружилось, что у Холмса немало знакомых, причем из самых разных кру-

гов общества. Был среди них, например, болезненного вида мужчина с темными глазами и крысиной мордочкой, которого мне представили как мистера Лестрейда; в течение одной недели он приходил раза три или четыре. Как-то утром явилась шикарно разодетая девушка и провела у Холмса с полчаса, а то и больше. В тот же день нас посетил еще один визитер: изможденный мужчина с проседью в волосах, похожий на торговца-еврея. Он показался мне весьма взволнованным. Сразу вслед за ним пришла пожилая женщина в стоптанных башмаках. Однажды с моим компаньоном беседовал старый джентльмен с белой как лунь головой; а в другой день пришел вокзальный носильщик в вельветиновой форме. Всякий раз, когда появлялась подобная непонятная личность, Шерлок Холмс просил разрешения воспользоваться нашей общей гостиной, и я удалялся в свою спальню. Он всегда приносил мне извинения за то, что был вынужден причинить неудобство. «Мне приходится использовать гостиную как рабочий кабинет, – говорил Холмс. – Эти люди – мои клиенты». В таких случаях опять представлялся удобный момент задать ему прямой вопрос, но деликатность снова и снова не позволяла мне насильно выведывать чужие секреты. В ту пору мне казалось, что у Холмса есть какая-то важная причина не раскрывать своих тайн, однако вскоре он сам развеял мои сомнения.

Это случилось четвертого марта (и было событием столь важным, что я точно запомнил дату). Проснувшись рань-

ше обычного, я обнаружил, что Шерлок Холмс еще не кончил завтракать. Наша хозяйка так привыкла к моим поздним вставаниям, что ни моего прибора, ни моего кофе на столе еще не было. С необоснованной раздражительностью, свойственной многим людям, я позвонил в звонок, давая знать, что готов. Потом взял со стола журнал и стал просматривать его, коротая ожидание. Мой компаньон между тем продолжал молча жевать свой тост. Заголовок одной из статей был отчеркнут карандашом, и я невольно начал просматривать именно ее.

Название было немного претенциозным – «Книга жизни». Автор статьи пытался показать, как много может узнать наблюдательный человек, если тщательно и методично изучает все, что встречается ему на пути. Статья поразила меня удивительной смесью проницательности и невразумительности. Ход мысли был логичным и убедительным, но выводы казались натянутыми и нарочито преувеличенными. Автор утверждал, что по мимолетному выражению лица, произвольному сокращению мускулов или вскользь брошенному взгляду можно постичь самые потаенные мысли человека. По его словам, того, кто умеет наблюдать и анализировать, невозможно обмануть. Его безапелляционные умозаключения претендовали на безошибочность доказательств евклидовых теорем. Непосвященного выводы автора так ошеломляли, что, не имея возможности проследить за развитием мысли, приведшим к подобному результату, он мог бы

счесть его колдуном.

«По одной капле воды, – утверждал автор, – логически мыслящий человек способен догадаться о существовании Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он никогда не видел ни того ни другого и не слышал о них. Жизнь всякого человека представляет собой длинную цепь взаимосвязанных событий, поэтому ее природу можно постичь по одному-единственному звену. Как любым иным видом искусства, искусством дедукции и анализа можно овладеть только посредством долгого и кропотливого труда, но жизнь слишком коротка, чтобы кто бы то ни было из смертных хоть отдаленно приблизился в нем к совершенству. Прежде чем обратиться к моральным и интеллектуальным аспектам проблемы, в которых заключаются самые большие трудности, исследователю надлежит приобрести более простые навыки. Например, при встрече с другим смертным научиться с первого взгляда распознавать его происхождение и профессию. Каким бы ребяческим ни казалось подобное занятие, оно обостряет наблюдательность и учит тому, на что следует смотреть и что искать. По ногтям человека, по рукавам его пальто, по обуви, по потертости брюк на коленках, по мозолям на указательном и большом пальцах, по выражению лица и обшлагам рубашки – по всем этим деталям можно точно угадать его ремесло. Почти немыслимо представить себе, чтобы все они, вместе взятые, не расска-

зали все умелому наблюдателю».

– Какая несусветная чушь! – воскликнул я, швыряя журнал на стол и приступая к завтраку. – Никогда в жизни не читал подобного бреда.

– Вы о чем? – поинтересовался Шерлок Холмс.

– Да вот об этой статье. – Я указал на открытую страницу яичной ложечкой. – Вижу, вы читали ее, поскольку отметили карандашом. Не спорю, написано лихо, но она раздражает меня. Не сомневаюсь, это теория какого-нибудь бездельника, который придумывает свои складные маленькие парадоксы, не выходя из кабинета и даже не вставая с кресла. В них нет никакой практической пользы. Хотел бы я видеть, как он садится в метро в вагон третьего класса и на спор определяет профессии всех своих спутников. Я поставил бы тысячу фунтов против одного не в его пользу.

– И потеряли бы свои деньги, – спокойно возразил Холмс. – А что касается статьи, то ее написал я.

– Вы?!

– Да. У меня есть склонность как к наблюдениям, так и к дедукции. А теории, которые я изложил в статье и которые показались вам столь сумасбродными, на самом деле имеют большую практическую пользу – настолько большую, что ими я зарабатываю себе на хлеб с маслом.

– Но как именно? – невольно вырвалось у меня.

– Видите ли, у меня особая профессия. Полагаю, я един-

ственный в мире человек, который ею занимается. Я – сыщик-консультант, если вам понятно, что это значит. Здесь, в Лондоне, куча государственных и множество частных детективов. Когда эти ребята заходят в тупик, они обращаются ко мне, и я направляю их на верный след. Они предоставляют мне все улики, и обычно, с помощью своих знаний в области истории преступлений, я помогаю им разобраться. Между преступлениями существует прочное родовое сходство, и когда вы досконально осведомлены во всех подробностях о тысячах однотипных преступлений, было бы странно, если бы вы не разгадали тысячу первое. Лестрейд – известный сыщик. Недавно он запутался в деле о подлоге, оно-то и привело его ко мне.

– А те, другие люди?

– Их в основном присылают ко мне частные сыскные агентства. Все эти люди попали в какую-нибудь беду и ищут помощи. Я выслушиваю их истории, они – мои разъяснения, после чего я кладу в карман гонорар.

– Не хотите ли вы сказать, что способны, не выходя из комнаты, распутать клубок, с которым не справились другие, видевшие все своими глазами?

– Именно это я и хочу сказать. У меня есть интуиция на подобные вещи. Правда, время от времени попадаются случаи несколько более сложные. Тогда приходится посуетиться и взглянуть на кое-что собственными глазами. Я, видите ли, обладаю множеством специальных знаний, коими поль-

зуюсь для разрешения проблем; они удивительно облегчают дело. Приемы дедукции, изложенные в статье и вызвавшие у вас столь пренебрежительное отношение, в практической работе незаменимы. Наблюдательность – моя вторая натура. Вот вы, кажется, удивились, когда я при первой встрече угадал, что вы прибыли из Афганистана.

– Бьюсь об заклад, вам кто-то сообщил об этом.

– Ничего подобного. Я сам *узнал*, что вы приехали из Афганистана. Благодаря долгой практике последовательность умозаключений проносится у меня в голове так быстро, что я делаю вывод, бессознательно опуская промежуточные звенья. Тем не менее такие звенья существуют. В данном случае мысль моя развивалась так: «Вот джентльмен, явно имеющий отношение к медицине, но есть в нем и нечто от военного. Значит, он – военный врач. Он только что приехал из тропиков, поскольку лицо у него смуглое, причем это не естественный цвет его кожи, судя по светлым запястьям. Недавно он перенес невзгоды и тяжелую болезнь, о чем явно свидетельствует его изможденное лицо. Левая рука была у него ранена: он держит ее неестественно и старается оберегать. В какой тропической стране в настоящее время английский военный врач может получить ранение и подвергнуться испытаниям? Разумеется, в Афганистане». Весь этот ход мыслей занял меньше секунды, после чего я высказал предположение, которое вас так потрясло: что вы прибыли из Афганистана.

– Теперь, когда вы объяснили, все кажется действительно простым, – улыбнулся я. – Вы напоминаете мне Дюпена из рассказов Эдгара Аллана По. Я и представить себе не мог, что подобные люди существуют в реальной жизни.

Шерлок Холмс встал и, раскурив трубку, заметил:

– Вы, безусловно, полагаете, что сделали мне комплимент, сравнив меня с Дюпеном. Но, по-моему, Дюпен был весьма ничтожной личностью. Этот его трюк, когда после четверти часа молчания он каким-нибудь вскользь брошенным замечанием дает понять, что прочел мысль собеседника, поверхностен и рассчитан на эффект. Не спорю, он не лишен кое-каких аналитических способностей, но, вне всякого сомнения, отнюдь не является исключительным феноменом, каким его, видимо, представлял себе По.

– А произведения Габорио¹² вы читали? – спросил я. – Отвечает ли вашим представлениям о настоящем сыщике Лекок?

Шерлок Холмс сардонически ухмыльнулся.

– Лекок был презренным «сапожником», – сердито ответил он. – В заслугу ему можно поставить разве что кипучую энергию. Эта книга меня просто бесит. Ему ведь нужно было всего-навсего установить личность заключенного. Я бы сделал это за сутки. У Лекока на это ушло не менее полугода. По этой книге сыщик должен учиться тому, как не следует работать.

¹² Габорио, Эмиль (1833–1873) – французский романист.

Меня изрядно рассердил такой кавалерийский наскок на двух персонажей, коими я восхищался. Подойдя к окну, я стал смотреть на запруженную людьми улицу. «Этот человек, возможно, и очень умен, – сказал я себе, – но слишком уж самонадеян».

– В последнее время нет ни настоящих преступлений, ни истинных преступников, – ворчливо заметил Холмс. – Какой прок иметь мозги человеку нашей профессии? Я точно знаю, у меня их достаточно, чтобы прославить мое имя. Сейчас нет, да и раньше не было человека, который обладал бы такими обширными знаниями и был наделен таким талантом к расследованию преступлений, как я. А что толку? Расследовать-то нечего. В лучшем случае попадаетея какое-нибудь неуклюже сработанное злодейство, мотив которого настолько очевиден, что даже полицейский из Скотленд-Ярда видит его насквозь.

Меня по-прежнему раздражал его высокомерный тон, и я решил, что лучше сменить тему.

– Интересно, что ищет вон тот парень? – Я указал на дюжего мужчину в простой одежде, который медленно шел по другой стороне улицы, напряженно всматриваясь в номера домов. Судя по тому, что в руке он держал большой голубой конверт, мужчина был посыльным.

– Вы имеете в виду того отставного сержанта морской пехоты? – уточнил Шерлок Холмс.

«Хвастун и позер! – подумал я. – Знает же, что я не могу

проверить его догадку».

Не успела эта мысль промелькнуть у меня в голове, как человек, за которым мы наблюдали, заметил номер на нашей двери и быстро пересек улицу. Мы услышали громкий стук внизу, рокочущий бас, затем тяжелые шаги на лестнице.

– Для мистера Шерлока Холмса. – Войдя в комнату, мужчина протянул конверт моему товарищу.

Вот и удобный случай для разоблачения. Ведь, выстрелив наугад, Холмс не предвидел такого оборота событий.

– Могу я задать вам вопрос, приятель? – спросил я невиннейшим голосом. – Какова ваша профессия?

– Посыльный, сэр, – сипло ответил он. – Просто моя форма сейчас в ремонте.

– А кем вы были раньше? – поинтересовался я, с чуть коварной усмешкой поглядывая на своего компаньона.

– Сержантом, сэр, королевской легкой морской пехоты, сэр. Ответа не будет? Слушаюсь, сэр.

Он щелкнул каблуками, по-военному отсалютовал и удалился.

3. Тайна Лористон-Гарденс

Признаться, меня изрядно взволновало это новое подтверждение практической пользы теорий моего компаньона. Мое уважение к его способностям неизмеримо возросло. Однако в глубине души все еще копошилось тайное сомне-

ние: не был ли весь этот эпизод подстроен заранее, чтобы ошеломить меня, хотя зачем моему товарищу это могло понадобиться, оставалось за пределами моего разума. Когда я снова посмотрел на Холмса, он уже закончил читать письмо, и взгляд его стал отсутствующим и тусклым: свидетельство того, что он глубоко погрузился в свои мысли.

– Как, скажите вы мне ради Бога, вам удалось это выяснить? – взмолился я.

– Выяснить – что? – раздраженно переспросил он.

– Как – что? То, что он отставной сержант морской пехоты.

– Мне некогда сейчас отвлекаться на пустяки, – резко ответил Холмс, но, спохватившись, улыбнулся и добавил: – Простите за грубость. Вы нарушили ход моей мысли, впрочем, быть может, это и к лучшему. Значит, сами вы не сообразили, что этот человек – сержант, бывший морской пехотинец?

– Конечно, нет!

– Мне было легче догадаться, чем объяснить, как я это сделал. Если бы вас попросили доказать, что дважды два – четыре, вас это тоже затруднило бы, хотя вы ничуть не сомневались бы в самом факте. Хотя человек находился на другой стороне улицы, я заметил большой синий якорь, вытатуированный на тыльной стороне его ладони. Это навело меня на мысль о море. Вместе с тем у него была военная выправка и предписанные уставом бакенбарды. Стало быть

– морской флот. Вид этого человека средних лет не лишен важности и некой командирской осанки. Вам следовало заметить, как он держал голову и помахивал тростью. Выражение его лица тоже свидетельствовало о том, что это степенный, респектабельный мужчина. Все это и подсказало мне, что некогда он был сержантом.

– Потрясающе! – вырвалось у меня.

– Элементарно, – отозвался Холмс, хотя по его лицу я догадался, что ему польстили мое очевидное удивление и мое восхищение. – Только что я сказал вам, что в наши дни вывелись настоящие преступники. Похоже, я ошибался – взгляните на это! – Он бросил мне через стол письмо, доставленное посыльным.

– Господи! – воскликнул я, пробежав его глазами. – Это же ужасно!

– Это действительно, судя по всему, несколько выходит за обычные рамки, – спокойно заметил Холмс. – Не откажите в любезности прочесть мне письмо вслух.

Вот текст, который я прочел ему:

– «Мой дорогой мистер Шерлок Холмс!

Нынешней ночью в Лористон-Гарденс, 3, на Брикстон-роуд, произошло весьма неприятное событие. Около двух часов утра наш патрульный заметил свет в окне и, поскольку знал, что дом этот необитаем, заподозрил неладное. Дверь оказалась открытой, и в передней комнате, где нет ника-

кой мебели, он обнаружил труп хорошо одетого джентльмена, в кармане которого были найдены визитные карточки на имя Еноха Дж. Дреббера из Кливленда, Огайо, Соединенные Штаты Америки. Никаких признаков ограбления и никаких улик, способных подсказать, как именно нашел свою смерть этот человек. По всей комнате видны следы крови, но на трупе – ни единой раны. Мы теряемся в догадках: как он попал в пустой дом; вообще все это дело – сплошной ребус. Если Вы сможете приехать сюда в любое время до полудня, то найдете меня здесь. Я сохранил все в *status quo* до получения Вашего ответа. Если же Вы прибыть не сможете, я сообщу Вам дополнительные подробности и буду чрезвычайно признателен, коли Вы любезно сообразовоите высказать свое мнение. Искренне Ваш *Тобиас Грегсон*».

– Грегсон в Скотленд-Ярде – самый толковый, – заметил мой друг. – Они с Лестрейдом – лучшие в этой в общем-то очень слабой команде. Оба быстрые и энергичные, но слишком уж консервативные. К тому же друг с другом на ножах: ревнивы, как две профессиональные красотки. Раз в этом расследовании участвуют оба, есть шанс здорово повеселиться.

Меня удивило спокойствие, с каким звучал его голос.

– Уверен, нельзя терять ни минуты! – воскликнул я. – Может, мне пойти привести вам кеб?

– Не знаю, поеду ли. Я ведь самый неисправимый на свете

ленивец и не люблю зря сбивать ноги – это, конечно, когда я не в форме, в другое время бываю весьма проворен.

– Ну как же так! Ведь это именно тот случай, о котором вы мечтали.

– Мой дорогой друг, а какой мне в этом прок? Предположим, я распутаю дело. Можете не сомневаться, что Грегсон, Лестрейд и компания прикарманят мои лавры. Вот что значит быть лицом неофициальным.

– Но он просит вас помочь.

– Да. Он понимает, что я превосхожу его по всем статьям, и признает это, говоря со мной; но доведись ему говорить об этом с третьим лицом – язык проглотит. Тем не менее можно поехать посмотреть. Буду работать самостоятельно. Если ничего другого не остается, хоть посмеюсь над ними. Поехали!

Холмс быстро надел пальто и засуетился так, что стало ясно: летаргическая апатия сменилась мощным выбросом энергии.

– Берите шляпу, – распорядился он.

– Вы хотите, чтобы я ехал с вами?

– Да, если у вас нет более интересного занятия.

Минуту спустя мы уже сидели в пролетке, которая стремительно неслась по направлению к Брикстон-роуд.

Утро было туманное, небо затянули облака, коричневатая-серая дымка висела над крышами, будто отражение грязных улиц, простирившихся внизу. Мой спутник находился в

прекрасном настроении и беспрерывно что-то болтал о кремонских скрипках и различиях между инструментами Страдивари и Амати¹³. Что касается меня, то я молчал, меня угнетали пасмурная погода и прискорбность события, в которое нас вовлекли.

– Вы, кажется, не слишком озабочены предстоящим исследованием, – заметил я наконец, прервав музыкальные рассуждения Холмса.

– У меня пока нет данных, – ответил он. – А начинать теоретизировать до того, как имеешь на руках все улики, – большая ошибка. Это может впоследствии привести к ложным суждениям.

– Скоро вы получите данные. Вот Брикстон-роуд, а вон и тот самый дом, если не ошибаюсь.

– Не ошибаетесь. Извозчик, стой! – Мы находились ярдах в ста от нужного места, но Холмс настоял на том, чтобы последнюю часть пути мы прошли пешком.

Дом номер три в Лористон-Гарденс имел вид зловещий и словно таил в себе угрозу. Он стоял в ряду четырех зданий, выстроившихся вдоль узкого переулка, отходящего от Брикстон-роуд. Два из них были населены, два пустовали. Эти последние смотрели на мир тремя шеренгами печальных пустых окон, которые казались бы еще более мрачны-

¹³ Амати из Кремоны – семейство, снискавшее в XVI – XVII веках славу великолепных скрипичных мастеров. Антонио Страдивари (1614–1737) – самый выдающийся их ученик.

ми, если бы не наклеенные на них там и сям объявления «Сдается», напоминавшие бельма катаракты на помутневших слепых роговицах. Крохотные палисаднички, негусто окропленные чахлыми растениями, отделяли каждый дом от тротуара; их пересекали узкие желтоватые дорожки, покрытые скорее всего смесью глины и гравия. После дождя, который шел всю ночь, их развезло, грязь повсюду стояла невероятная. С внешней стороны палисадник был обнесен трехфутовой кирпичной стенкой с деревянными перилами поверху. Прислонившись к ней, у дома номер три стоял констебль в окружении небольшой группы зевак; они вытягивали шеи и напрягали зрение в тщетной надежде увидеть хоть что-нибудь из происходившего внутри.

Я представлял себе, что Шерлок Холмс тут же ринется в дом и погрузится в разгадывание тайны. Но он был чрезвычайно далек от подобного намерения. С беспечным видом, который при данных обстоятельствах почти граничил с притворством, Холмс слонялся туда-сюда по тротуару, отсутствующим взглядом обозревая землю, небо, дома на противоположной стороне и деревянные перила. Завершив свое обследование, он медленно двинулся по дорожке, точнее, по травяной кромке, обрамлявшей ее, не отрывая при этом глаз от земли. Дважды Холмс останавливался, один раз я заметил на его лице улыбку и услышал, как он издал довольный возглас. На мокрой глинистой почве виднелось множество следов, но поскольку полицейские в последние часы беспре-

станно ходили по ней взад-вперед, я не понимал, как мой компаньон надеется хоть что-нибудь узнать по этим затоптанным следам. Тем не менее я уже располагал неопровержимыми свидетельствами быстроты его реакции и незаурядной проницательности, поэтому вполне допускал, что Холмс увидит многое, скрытое от моего взора.

У входа в дом нас встретил высокий бледнолицый человек с соломенными волосами и блокнотом в руке. Он бросился навстречу моему товарищу и с излияниями благодарности пожал ему руку.

– Как любезно, что вы приехали, – сказал он. – Я оставил здесь все как было.

– Кроме этого! – возразил мой друг, указывая на дорожку. – Даже если бы тут прошло стадо буйволов, едва ли оно оставило бы после себя такое месиво. Впрочем, не сомневаюсь, Грегсон, что, прежде чем допустить это безобразие, вы осмотрели следы и сделали выводы из своих наблюдений.

– У меня было столько дел в доме, – уклончиво ответил детектив. – Здесь мой коллега, мистер Лестрейд. Я понадеялся, что он проследит за этим.

Холмс взглянул на меня и саркастически поднял бровь.

– При наличии двух таких профессионалов, как вы и Лестрейд, третьему лицу здесь почти нечего делать.

Грегсон самодовольно потер руки.

– Полагаю, мы сделали все, что следовало, – ответил он. – Тем не менее дело это необычное, а я знаю, что вы такие

любите.

– Вы приехали сюда не в кебе? – спросил Шерлок Холмс.

– Нет, сэр.

– А Лестрейд?

– Тоже нет, сэр.

– Тогда пойдемте осмотрим комнату, – без всякой логики заключил Холмс и вошел в дом, сопровождаемый Грегсоном, чье лицо выражало полное недоумение.

Короткий пыльный коридор с голыми стенами упирался в кухню и прочие подсобные помещения. Справа и слева имелись две двери. Одну из них, совершенно очевидно, не открывали уже много недель. Другая вела в столовую. Это и была та комната, где случилось таинственное происшествие. Холмс вошел в нее, и я последовал за ним, испытывая глубокую подавленность, которую всегда вызывало во мне присутствие смерти.

Большая квадратная комната из-за отсутствия мебели выглядела еще более просторной. Стены были обклеены вульгарными обоями с кричащим рисунком, местами они покрылись пятнами плесени, а кое-где оторвались и свисали длинными лохмами, обнажая желтую штукатурку. Напротив двери находился такой же безвкусно-шикарный камин с полкой из поддельного белого мрамора. На одном ее краю стоял огарок красной восковой свечи. Единственное окно было таким грязным, что пропускало в комнату лишь тусклый неверный свет, придававший всему находившемуся в ней уныло-серый

оттенков. Это впечатление усугублялось толстым слоем пыли, покрывавшим всю квартиру.

Но все это я разглядел потом. А в первый момент мое внимание полностью сосредоточилось на одинокой, зловеще-неподвижной фигуре, которая лежала на полу, уставившись в бесцветный потолок пустыми незрячими глазами. Это был человек лет сорока трех – сорока четырех, среднего роста, широкоплечий, с жесткими вьющимися черными волосами и короткой щетинистой бородой. На нем были сюртук из плотного сукна, жилет, светлые брюки и безукоризненно белая рубашка. Шляпа с высокой тульей, идеально чистая, ничуть не поврежденная, лежала на полу рядом. Руки, стиснутые в кулаки, широко раскинуты, ноги сведены в мучительной предсмертной судороге. Застывшие черты выражали ужас и, как мне показалось, такую ненависть, какой я никогда еще не видел на человеческом лице. Эта злобная, чудовищная гримаса в сочетании с низким лбом, тупо обрубленным носом и выпирающими скулами придавала мертвецу вид обезьяны, усугублявшийся неестественно скрюченной позой. Мне случалось видеть смерть во многих обличьях, но никогда еще она не представляла более ужасающей, чем теперь, в этой плохо освещенной мрачной комнате, окно которой выходило на одну из главных артерий лондонского предместья.

Лестрейд, тощий и, как всегда, похожий на хорька, приветствовал нас с Холмсом в дверях.

– Это дело вызовет много шума, сэр, – заметил он. – Оно затмевает все, что я видел до сих пор, а я не желторотый юнец.

– Нашли какие-нибудь зацепки? – спросил Грегсон.

– Никаких, – отрапортовал Лестрейд.

Шерлок Холмс приблизился к телу и, опустившись на колени, внимательно осмотрел его.

– Вы уверены, что на нем нет ран? – спросил он, указывая на многочисленные брызги и разводы крови, видневшиеся повсюду.

– Абсолютно! – воскликнули разом оба детектива.

– Тогда кровь, разумеется, принадлежит второму лицу – предположительно убийце, если здесь действительно произошло убийство. Это напоминает мне обстоятельства, сопутствовавшие смерти ван Янсена, имевшей место в Утрехте в 1834 году. Помните это дело, Грегсон?

– Нет, сэр.

– Почитайте о нем – вам будет полезно. Ничто не ново под луною. Все когда-нибудь уже было.

Пока Холмс говорил, его проворные пальцы порхали туда-сюда, ощупывая, надавливая, расстегивая пуговицы, изучая, между тем как взгляд хранил отсутствующее выражение, которое я отметил ранее. Осмотр был произведен так быстро, что едва ли кто-нибудь догадался бы, сколь он тщателен. В заключение Холмс обнюхал губы покойного и взглянул на подошвы его лакированных ботинок.

– Его совсем не сдвигали с места? – спросил он.

– Не более чем было необходимо, чтобы осмотреть.

– Можете увозить в морг, – распорядился Холмс. – Больше мы от него ничего не узнаем.

У Грегсона наготове было четверо мужчин с носилками. По его приказу они вошли в комнату, подняли мертвеца и унесли. В тот момент, когда они перекладывали его на носилки, на пол, тихо звякнув, упало и покатилося кольцо. Лестрейд схватил его и стал озадаченно разглядывать.

– Здесь была женщина! – воскликнул он, протягивая колечко на вытянутой ладони. – Это женское обручальное кольцо.

Мы сгрудились вокруг инспектора, уставившись на находку. Никто не сомневался, что некогда этот гладкий золотой ободок украшал палец новобрачной.

– Это осложняет дело, – сказал Грегсон. – Хотя, видит Бог, оно и без того достаточно запутанное.

– А вы не думаете, что это упрощает его? – спросил Холмс. – Впрочем, хватит без толку глазеть на кольцо. Что вы нашли у него в карманах?

– Вот, все здесь, – ответил Грегсон, выводя нас на крыльцо и указывая на кучку предметов, выложенных на нижней ступеньке. – Золотой брегет лондонской часовой фирмы «Барро» за номером 97163 на золотой альбертианской¹⁴ цепи,

¹⁴ Цепь для карманных часов, составленная из массивных звеньев; свое название получила по имени Альберта (1819–1861), мужа королевы Виктории.

очень тяжелой и массивной. Золотое кольцо с масонской эмблемой. Золотая булавка для галстука в виде головы бульдога с рубиновыми глазами. Визитница из русской кожи с карточками на имя Еноха Дж. Дреббера из Кливленда, что соответствует меткам «ЕДД» на белье. Кошелек не было, но в карманах имелись деньги в сумме семи фунтов тринадцати шиллингов. Карманное издание «Декамерона» Боккаччо, на форзаце – имя некоего Джозефа Стэнджерсона. Два письма: одно адресовано Е. Дж. Дребберу, другое – Джозефу Стэнджерсону.

– Какой адрес на конвертах?

– Американский почтовый пункт, Стрэнд, до востребования. Оба письма отправлены из паровой компании «Гигон» и касаются расписания судов этой компании, отплывающих из Ливерпуля. Ясно, что этот несчастный собирался вернуться в Нью-Йорк.

– Вы что-нибудь попытались узнать об этом Стэнджерсоне?

– Разумеется, сэр, первым делом, – ответил Грегсон. – Я разослал объявления во все газеты и отправил своего человека в Американский почтовый пункт, но он еще не вернулся.

– А запрос в Кливленд послали?

– Мы телеграфировали туда еще утром.

– Что вы написали в телеграмме?

– Просто обрисовали ситуацию и попросили сообщить

нам любые сведения, которые могут помочь следствию.

– Вы не задали никаких конкретных вопросов, которые кажутся вам существенными?

– Я спросил о Стэнджерсоне.

– Больше ничего? По-вашему, нет здесь особого обстоятельства, на коем зиждется все это дело? Не хотите телеграфировать дополнительные вопросы?

– Я спросил все, что должен был спросить, – обиженно возразил Грегсон.

Шерлок Холмс усмехнулся и собирался было сделать какое-то замечание, когда Лестрейд, который оставался в комнате, пока мы беседовали на крыльце, снова появился на сцене, торжественно и самодовольно потирая руки.

– Мистер Грегсон, – сказал он, – я только что сделал открытие чрезвычайной важности: нашел улику, которая была бы упущена, не осмотри я стены с должной скрупулезностью. – Глаза коротышки сверкали, он с трудом сдерживал ликование оттого, что утер нос коллеге. – Идите сюда, – позвал он, бросаясь в комнату, атмосфера которой словно немного очистилась после того, как унесли ужасного обитателя этой комнаты. – Встаньте-ка здесь! – Лестрейд зажег спичку, чиркнув ею о подошву, и, приблизив огонек к стене, с ликованием произнес: – Взгляните на это!

Я уже говорил, что в некоторых местах обои оторвались. В том углу, куда указывал Лестрейд, со стены свисал большой лоскут, обнажая желтый квадрат грубой штукатурки.

Поперек него кроваво-красными буквами было написано одно слово:

RACHE

– Ну, что вы об этом думаете? – воскликнул детектив с видом балаганного зазывалы, желающего привлечь внимание публики к выступлению. – Этой надписи никто не заметил, потому что она находится в самом темном углу, никому не пришло в голову сюда заглянуть. Убийца написал – или написала – это собственной кровью. Взгляните на потек, здесь кровь стекала по стене! Это, во всяком случае, исключает версию самоубийства. Хотите знать, почему был выбран именно этот угол? Я вам скажу. Видите свечу на каминной полке? В тот момент она горела, и этот угол был не самым темным, а самым освещенным участком стены.

– Ну и что означает эта ваша находка? – презрительно спросил Грегсон.

– Что означает? Ну как же, она означает, что человек хотел написать женское имя Рейчел, но что-то помешало ему закончить. Помяните мое слово, когда это дело будет раскрыто, окажется, что к нему так или иначе причастна некая женщина по имени Рейчел. Можете сколько угодно смеяться, мистер Шерлок Холмс. Вы, конечно, очень умны и догадливы, но, когда все уже сказано и сделано, нет ничего лучше старой ищейки.

– Простите великодушно! – извинился мой компаньон, который так рассердил коротышку, не сдержав смеха. – Разумеется, вам следует отдать должное как первому среди нас, кто нашел эту надпись. Она, как вы справедливо заметили, наверняка была сделана вторым участником таинственных событий, случившихся здесь прошлой ночью. Я не успел еще осмотреть комнату, но, с вашего позволения, сделаю это теперь.

Продолжая говорить, Холмс достал из кармана рулетку и большую круглую лупу и с этими двумя инструментами начал бесшумно обходить комнату, иногда останавливаясь, иногда опускаясь на колени, а однажды даже распластался ничком на полу. Поглощенный своим занятием, он, казалось, забыл о нашем присутствии: все время бормотал что-то себе под нос, то ворча, то присвистывая, то радостно издавая тихие одобрительные возгласы. Пока я наблюдал за ним, мне невольно пришло на ум сравнение с чистопородной, хорошо выдрессированной английской паратой гончей, стремительно мечущейся по лесной чаще в поисках утерянного следа. Холмс продолжал свои изыскания минут двадцать, а то и больше, тщательно вымеряя расстояния между некими неведомыми мне отпечатками и время от времени прикладывая рулетку к стене с равным образом непостижимыми для меня целями. В одном месте он очень аккуратно собрал с пола небольшую кучку серой пыли и ссыпал ее в конверт. Наконец Холмс исследовал с помощью лупы надпись на сте-

не, задерживаясь на каждой букве с дотошнейшим вниманием. Покончив и с этим, он, видимо, остался доволен, потому что спрятал в карман и рулетку, и лупу.

– Говорят, гений – это прежде всего способность неустанно прилагать усилия, – заметил с улыбкой Холмс. – Совершенно неправильное определение, но по отношению к работе сыщика оно справедливо.

Грегсон и Лестрейд наблюдали за маневрами своего коллеги-любителя с изрядным любопытством и отчасти с презрением. Судя по всему, они не поняли то, что начинало доходить до меня: все мельчайшие действия Шерлока Холмса направлены к одной определенной практической цели.

– Ну и что вы об этом думаете, сэр? – спросили они одновременно.

– Не хочу лишать вас заслуги раскрытия этого дела и претендую только на роль помощника, – скромно заметил мой друг. – Вы так успешно продвигаетесь вперед, что любое вмешательство неуместно. – Голос Холмса был преисполнен сарказма. – Однако если вы сочтете возможным держать меня в курсе вашего расследования, в дальнейшем я буду счастлив помочь чем смогу. А пока я хотел бы поговорить с констеблем, обнаружившим труп. Не сообщите ли мне его имя и адрес?

Лестрейд заглянул в свой блокнот и сказал:

– Его зовут Джон Рэнс. Сегодня он выходной, но вы сможете найти его по адресу Одли-Корт, сорок шесть, Кеннинг-

тон-парк-гейт.

Холмс записал адрес.

– Пошли, доктор, – сказал он. – Навестим его. Готов все же сообщить кое-что, что поможет вам, – обратился он к детективам. – Здесь произошло убийство, убийца – мужчина. Это человек ростом более шести футов, в расцвете сил, у него маленькие для его роста ступни; он был обут в грубые ботинки с квадратными мысами и курил трихинопольскую сигару. Сюда он прибыл вместе со своей жертвой в четырехколесном кебе, запряженном одной лошадью с тремя старыми подковами и одной новой – на правой передней ноге. Скорее всего у убийцы красное лицо, а на правой руке необычно длинные ногти. Вот несколько незначительных примет, но, вероятно, они окажутся полезными вам.

Лестрейд и Грегсон переглянулись, недоверчиво улыбаясь.

– Если этого человека действительно убили, то как это было сделано? – спросил первый.

– Яд, – коротко сообщил Холмс и решительно направился к выходу, но в дверях обернулся и добавил: – А «Rache» по-немецки означает «месть», так что не теряйте времени на поиски мисс Рейчел.

Выпустив эту парфянскую стрелу, он удалился, оставив двух соперников с открытыми ртами.

4. Что рассказал Джон Рэнс

Был час дня, когда мы покинули дом номер три в Лористон-Гарденс. Шерлок Холмс повел меня в ближайшее отделение связи, откуда отправил длинную телеграмму. Потом он кликнул кеб и велел извозчику отвезти нас по адресу, сообщенному Лестрейдом.

– Нет ничего лучше, чем свидетельство очевидца, – заметил он. – В сущности, дело мне уже совершенно ясно, однако никакой информацией не следует пренебрегать.

– Вы меня удивляете, Холмс, – сказал я. – Бьюсь об заклад, вы не так уверены во всех тех приметах, которые изложили, как пытаетесь показать.

– Уверенней и быть невозможно, – ответил он. – Первое, что я заметил по прибытии, это две колесные колеи у края тротуара, проложенные кебом. Вплоть до прошлого вечера целую неделю дождя не было, значит, экипаж, от колес которого остался столь глубокий след, приехал сюда прошлой ночью. На земле имеются также отпечатки лошадиных подков, очертания одной из них гораздо более четкие, чем трех других, следовательно, эта подкова – новая. Поскольку кеб приехал сюда после того, как начался дождь, а сегодня утром никаких экипажей здесь не было – Грегсон заверил меня в этом, – следы оставлены ночью тем экипажем, который привез сюда обоих участников драмы.

– Хорошо, это действительно просто, – согласился я, – но как вы определили рост человека?

– Ну, рост в девяти случаях из десяти можно определить по длине шага. Рассчитать это совсем несложно, но я не хочу обременять вас цифрами. Следы этого человека отпечатались как на глине снаружи, так и в пыли внутри дома. Потом я имел возможность проверить свои подсчеты. Когда человек пишет на стене, он инстинктивно держит руку на уровне глаз. Надпись сделана на высоте чуть выше шести футов. Детская задачка.

– А возраст? – настаивал я.

– Видите ли, если человек без малейших усилий перематывает через препятствие длиной в четыре с половиной дюйма, его путь не может быть усеян желтой листвой. А именно такова длина лужи на садовой дорожке, которую он совершенно очевидно перешагнул. Лакированные туфли обошли ее, а тупоносые ботинки перепрыгнули. Во всем этом нет никакой тайны. Просто я применяю в повседневной жизни кое-какие из тех приемов наблюдения и дедукции, которые отстаивал в своей статье. Вас еще что-нибудь смущает?

– Ногти и трихинополи, – вспомнил я.

– Надпись на стене сделана мужским указательным пальцем, смоченным кровью. С помощью лупы я увидел, что штукатурка была при этом слегка процарапана, чего не случилось бы при остриженных ногтях. Дальше. С пола я собрал немного рассыпанного пепла. Он оказался темным и чешуй-

чатым – такой пепел остается только от трихинопольских сигар. Я специально изучал разновидности сигарного пепла – даже написал об этом монографию. Без ложной скромности скажу, что могу по внешнему виду определить пепел любой из существующих марок сигар, а также трубочного табака. Именно знанием подобных вещей искусный сыщик и отличается от детективов типа Грегсона и Лестрейда.

– А красное лицо? – спросил я.

– А-а! Вот это был самый рискованный вывод, хотя, не сомневаюсь, правильный. Пока не просите меня объяснить его.

Я потер лоб и заметил:

– У меня голова идет кругом. Чем больше думаешь об этом деле, тем загадочней оно кажется. Как эти два человека – если их действительно было двое – попали в пустой дом? Куда подевался извозчик, который привез их? Как мог один человек уговорить другого принять яд? Откуда взялась кровь? С какой целью совершено убийство, если ограбление исключается? Как попало туда женское обручальное кольцо? И главное – зачем второй мужчина, прежде чем скрыться, написал немецкое слово «*rache*»? Признаюсь, я не вижу никакой возможности совместить все эти факты.

Мой компаньон одобрительно улыбнулся:

– Вы очень сжато и точно подытожили все сложности. Многое в этом деле пока и впрямь остается смутным, хотя основные факты мне совершенно ясны. Что же касается от-

крытия бедолаги Лестрейда, то это была всего лишь намеренная попытка направить полицию по ложному следу, заставив ее искать связь с поборниками социализма и их тайными обществами. Надпись сделана не немцем. Если вы заметили, буква «а» стилизована под готический шрифт, между тем как настоящий немец, несомненно, написал бы просто латинскую букву. Отсюда вывод: мы имеем дело не с немцем, а с неумелым, переигрывающим имитатором. Все это просто уловка, призванная увести следствие в сторону. Больше я вам ничего не расскажу, доктор. Вы же знаете, фокусник утрачивает доверие публики, как только разоблачает свои трюки, и, если я полностью раскрою перед вами секреты своего метода, вы сочтете меня в конце концов самой заурядной личностью.

– Вот этого не будет никогда! – горячо заверил я Холмса. – Вы превратили расследование преступлений в почти точную науку, и отныне это открытие будет вечно служить людям.

Мой компаньон самодовольно зарделся от моих слов и той серьезности, с какой я произнес их. Я уже имел случай заметить, что он был равнодушен к лести, касающейся его искусства, как девушка – к комплиментам по поводу ее красоты.

– Я еще кое-что скажу вам, – добавил Холмс. – Лакированные туфли и тупоносые ботинки прибыли в одном кебе и по дорожке проследовали вместе вполне дружелюбно – рука об руку, так сказать. Оказавшись внутри, они расхаживали

по комнате – точнее, лакированные туфли стояли на месте, а расхаживали тупоносые ботинки. Все это я прочел по следам на пыльном полу; увидел я также и то, что мало-помалу тот, кто был в ботинках, все более распался. Об этом свидетельствует увеличивающаяся длина шагов. Он все время что-то говорил, несомненно, взвинчивая себя до состояния бешенства. Потом случилась трагедия. Ну вот, я рассказал вам все, что знаю сам, а остальное – пока лишь догадки и спекуляции. Тем не менее для работы у нас есть прочная основа; с нее можно начинать. А теперь нужно поторопиться, потому что я хочу успеть на концерт оркестра Халлэ¹⁵, сегодня с ним играет Норман-Неруда¹⁶.

Этот разговор происходил, пока наш кеб тащился по длинной веренице подозрительных грязных улиц и мрачных переулков. Заехав в самый сомнительный и мрачный из них, наш извозчик внезапно остановил лошадь.

– Одли-Корт – там. – Он указал на узкую щель между мертвенно-серыми кирпичными стенами. – Я буду ждать вас здесь.

Назвать Одли-Корт привлекательным районом ни у кого бы не повернулся язык. Узкий проход вывел нас в четырехугольный двор, вымощенный плитняком и окруженный жалкими хибарами. Пройдя между стайками грязных ребятишек, поднырнув под веревки, на которых сушилось выли-

¹⁵ Халлэ, Карл (Чарлз) (1819–1895) – немецкий музыкант и дирижер.

¹⁶ Норман-Неруда, Вильма (1839–1911) – моравская скрипачка.

нявшее белье, мы добрались наконец до номера сорок шестого. На его двери красовалась маленькая медная табличка с выгравированной на ней фамилией: «Рэнс». Как выяснилось, констебль спал, нас проводили в крохотную гостиную и попросили подождать.

Констебль появился довольно скоро, но явно раздосадованный тем, что нарушили его покой.

– Я уже все доложил в участке, – сказал он.

Холмс достал из кармана полсоверена и многозначительно повертел его в пальцах.

– Нам хотелось бы услышать это непосредственно из ваших уст.

– Буду рад сообщить вам все, что смогу. – Констебль не сводил взгляда с блестящего золотого кружка.

– Пожалуйста, расскажите все по порядку.

Рэнс сел на диван, набитый конским волосом, сосредоточенно сдвинул брови, словно собирался с мыслями, чтобы ничего не пропустить, и сказал:

– Начну сначала. Моя смена – с десяти вечера до шести утра. В одиннадцать часов в «Белом олене» произошла потасовка, но в остальном на моей территории все было как обычно. В час ночи полил дождь, и я встретил Харри Мерчера – ну, того, чей участок на Холланд-гроув, – мы с ним постояли, потрепались немного на углу Генриетта-стрит. Вскоре после этого – часа в два, может, чуть позже – я подумал, что нужно проверить, все ли тихо на Брикстон-роуд. Там бы-

ла непролазная грязь и жутко пусто. Я не встретил ни души, только один или два кеба проехали мимо. Ну вот, тащусь это я по улице и размышляю: хорошо бы сейчас пропустить четырехпенсовый стаканчик горячего джина, глядь – а в окне того самого дома – свет. Ну, я же знаю, что в тех двух домах в Лористон-Гарденс никто не живет: ведь тот тип, которому они принадлежат, не соизволил прочистить там канализацию, хотя последний жилец, еще оставшийся в одном из них, умер как раз от брюшного тифа. Я устал как собака, однако, увидев свет в окне, заподозрил что-то неладное. Когда я подошел к двери...

– Вы остановились и вернулись к калитке, – перебил его мой компаньон. – Почему вы это сделали?

Рэнс аж подпрыгнул при этих словах и уставился на Шерлока Холмса с выражением крайнего изумления.

– Да, сэр, это так, – признался он. – Но, видит Бог, в толк не возьму, откуда вы это узнали. Понимаете, когда я подошел к двери, кругом было так тихо и безлюдно, что я подумал: неплохо бы прихватить с собой кого-нибудь. Вообще-то по эту сторону могилы я не боюсь ничего, но мне ведь что стукнуло в голову: уж не тот ли это парень, который умер от тифа, явился взглянуть на трубы, которые его доконали? Вот это-то и заставило меня вернуться к калитке – посмотреть, не видно ли где мерчерова фонаря, но ни Мерчера, ни кого другого поблизости не было.

– На всей улице?

– Ни живой души, сэр, даже собаки. Тогда я собрался с духом, пошел обратно и толкнул дверь. Внутри все было тихо, и я заглянул в комнату, где горел свет. Там на каминной полке трепыхалась свеча – красная, восковая, – и в ее свете я увидел...

– Да, я знаю, что вы увидели. Вы несколько раз обошли комнату по кругу, потом опустились на колени возле трупа, после чего двинулись к кухонной двери, подергали ее и...

Джон Рэнс вскочил на ноги с испуганным видом и подозрительно посмотрел на Холмса.

– А где же вы прятались, раз все это видели? – вскричал он. – Больно много вам известно.

Холмс рассмеялся и бросил констеблю через стол свою визитку.

– Не надо арестовывать меня за убийство, – сказал он. – Я – гончая, а не волк; мистер Грегсон и мистер Лестрейд подтвердят это. Продолжайте, пожалуйста. Что вы сделали после этого?

Рэнс снова сел, хотя взгляд его оставался озадаченным.

– Ну, я опять пошел к калитке и засвистел в свисток. На мой свист сразу же явились Мерчер и еще двое.

– Улица и на этот раз была пуста?

– Можно и так сказать, во всяком случае, там не было никого, кто способен передвигаться на двух ногах.

– Что вы имеете в виду?

Лицо констебля расплылось в широкой ухмылке.

– Знаете, я на своем веку повидал немало пьянчуг, но такого мертвецки пьяного забулдыги еще никогда в жизни не встречал. Когда я вышел, он буквально лежал на перилах и во всю глотку орал песню «Вперед, Колумбия» и что-то про новый полосатый флаг. Какая от такого помощь – он и на ногах-то не держался.

– Какой это был человек? – спросил Шерлок Холмс.

Джона Рэнса, видимо, раздражало, что ему задают не относящиеся к делу вопросы.

– Какой-какой... Сильно пьяный, вот какой, – ответил он. – И ночевать бы ему в участке, если бы мы не были так заняты.

– А лицо, одежда, вы не обратили на них внимания? – настаивал Холмс.

– Как не обратить, нам же с Мерчером пришлось его поднимать. Он был длинный, с красным лицом, подбородок и рот закутаны шарфом...

– Этого достаточно! – воскликнул Холмс. – Что с ним случилось?

– Некогда нам было с ним валандаться – и без того дел оказалось по горло. А вы за него не волнуйтесь – авось сам дополз как-нибудь до дома, что такому делается?

– Как он был одет?

– В коричневый плащ.

– А хлыста у него не было?

– Хлыста? Нет.

– Возможно, он потерял его, – пробормотал мой компаньон. – Вы не видели или, быть может, слышали, не проезжал ли после этого поблизости кеб?

– Нет.

– Вот ваши полсоверена. – Холмс встал и взял шляпу. – Боюсь, Рэнс, вам никогда не подняться по службе. Голова предназначена не только для украшения, ею иногда надо думать. Прошлой ночью вы упустили свои сержантские лычки. Человек, которого вы ставили на ноги, – тот самый, кого мы ищем, и у него – ключ к разгадке этой тайны. Сейчас бесполезно что-либо объяснять, но, говорю вам, это именно так. Поехали, доктор.

Мы направились к ожидавшему нас кебу, оставив нашего информатора обескураженным: он, конечно же, не поверил Холмсу, однако был явно растревожен.

– Непроходимый дурак! – с горечью бросил Холмс, когда мы возвращались домой. – Подумать только: ему так повезло, а он проворонил свою удачу.

– Мне, пожалуй, все же неясно. Да, описание этого человека совпадает с воспроизведенным вами портретом второго участника таинственных событий. Но зачем он вернулся туда, откуда ему удалось сбежать? Преступники так не поступают.

– Кольцо, друг мой, кольцо – вот за чем он вернулся. И если у нас нет иной возможности поймать его, мы наверняка приманим его этим кольцом. Я поймаю его, доктор. Став-

лю два против одного, что я поймаю его. И за все это я должен благодарить вас. Если бы не вы, я бы никуда не поехал и самый интересный шахматный этюд, какой мне когда-либо приходилось решать, прошел бы мимо меня. А если воспользоваться жаргоном живописцев, то можно назвать его этюдом в багровых тонах. Как вам? Багровая нить убийства вплетена в бесцветную ткань жизни, и наш долг найти ее, отделить и выставить напоказ, всю, до последнего дюйма. А теперь обедать – и слушать Норман-Неруду. Ее экспрессия и техника владения смычком восхитительны. Как там в этой вещице Шопена, которую она так чудесно исполняет: тра-ля-ля-лира-лира-лей¹⁷.

Откинувшись на спинку сиденья, этот ищейка-любитель залился веселой трелью, словно жаворонок, предоставив мне размышлять над многогранностью человеческого интеллекта.

5. Посетитель, явившийся по нашему объявлению

Утренние усилия оказались чрезмерным испытанием для моего слабого здоровья, к середине дня я чувствовал себя вконец измученным. После того как Холмс отправился в концерт, я лег на диван и попытался соснуть пару часов. Тщетно! Мозг мой был перевозбужден увиденным, в нем ро-

¹⁷ Шопен никогда не писал произведений для соло на скрипке.

ились самые странные догадки и фантазии. Всякий раз, закрывая глаза, я видел перед собой гориллоподобную физиономию убитого мужчины. Впечатление, которое она произвела на меня, было столь зловещим, что я, вопреки собственной воле, испытывал лишь благодарность к тому, кто избавил мир от этого чудовища. Если когда-либо человеческое лицо так откровенно воплощало в себе зло в его крайнем проявлении, то это, конечно же, было лицо Еноха Дж. Дреббера из Кливленда. Тем не менее я понимал, что справедливость должна восторжествовать, поскольку закон не считает порочность жертвы оправданием для убийцы.

Чем больше я размышлял, тем более выдающейся казалась мне гипотеза моего компаньона о том, что мужчину отравили. Я вспомнил, как Холмс обнюхал его губы, и понял: именно в тот момент он обнаружил нечто, натолкнувшее его на эту мысль. Опять же: если не яд, то что послужило причиной смерти, раз на трупе нет ни ран, ни следов удушения? Но, с другой стороны, чья кровь оставила столь обильные следы на полу? В комнате не видно никаких признаков борьбы, и у жертвы не найдено оружия, которым он мог бы ранить своего противника. Я чувствовал, что, пока все эти вопросы остаются без ответа, уснуть будет нелегко как Холмсу, так и мне. Его спокойствие и уверенность в себе убеждали меня в том, что он уже составил теорию, объясняющую все эти факты, хотя, в чем она заключается, я не мог даже предположить.

Вернулся Холмс так поздно, что я догадался: побывал он не только в концерте. Ужин был подан еще до его возвращения.

– Это было восхитительно, – сказал он, усаживаясь за стол. – Помните, что говорит Дарвин о музыке? Он утверждает, что способность воспроизводить и воспринимать ее была присуща человечеству задолго до того, как оно обрело дар речи. Вероятно, именно поэтому музыка так неизъяснимо волнует нас. В наших душах хранится смутная память о тех туманных веках, когда мир находился еще в младенческом состоянии.

– Весьма смелая мысль, – заметил я.

– А человеческая мысль и должна быть такой же смелой, как сама природа, если претендует на то, чтобы постигать и объяснять природу, – ответил он. – Что с вами? Вы неважно выглядите. Наверное, это события на Брикстон-роуд выбили вас из колеи.

– По правде сказать, так оно и есть, – признался я. – Хотя мне, с моим афганским опытом, следовало бы быть более стойким. Я ведь не терял присутствия духа даже тогда, когда у меня на глазах моих товарищей разрубали саблями на куски в битве при Мейванде.

– Это нетрудно понять. Тайна стимулирует воображение. Где нет воображения, там нет и страха. Вы видели вечернюю газету?

– Нет.

– В ней напечатан весьма детальный отчет о деле. Не упоминается лишь о женском обручальном кольце, которое выпало на пол, когда поднимали убитого. Но это как раз хорошо.

– Почему?

– Взгляните на это объявление, – вместо ответа предложил Холмс. – Сегодня утром, после осмотра места преступления, я разослал его во все вечерние выпуски.

Мой компаньон подвинул мне газету, и я взглянул туда, куда он указал. Объявление стояло первым в колонке «Находки»: «Сегодня утром на Брикстон-роуд, – говорилось в нем, – на участке между таверной «Белый олень» и Холланд-гроув, найдено гладкое золотое обручальное кольцо. Обращаться к доктору Уотсону, 221-б, Бейкер-стрит, сегодня вечером с восьми до девяти часов».

– Простите, что без разрешения воспользовался вашим именем, – сказал Холмс. – Если бы я указал свое, кто-нибудь из этих олухов мог бы догадаться, в чем дело, и помешать.

– Не стоит извинений, – успокоил его я. – Но предположим, что кто-то действительно явится по объявлению. У меня ведь нет никакого кольца.

– Есть, вот оно. – Холмс протянул мне кольцо. – Почти неотличимо от оригинала – вполне сойдет.

– И кто, как вы ожидаете, откликнется на объявление?

– Ну как же, человек в коричневом плаще, разумеется, – наш краснолицый друг в тупоносых ботинках. Если он не

придет сам, то пришлет сообщника.

– А он не сочтет, что это слишком опасно?

– Отнюдь. Если я правильно представляю себе дело, а у меня есть все основания так полагать, этот человек скорее рискнет, чем откажется от кольца. По моим соображениям, он обронил его, когда наклонился над телом Дреббера, и не сразу обнаружил пропажу. Он заметил ее лишь после того, как покинул дом, и тут же бросился назад, но увидел, что туда уже прибыли полицейские – из-за его собственной оплошности: он забыл погасить свечу. Ему пришлось притвориться пьяным, чтобы отвести от себя подозрения, на которые могло бы натолкнуть его появление у калитки. А теперь поставьте себя на место этого человека. Хорошенько все обдумав, он, вероятно, решил, что потерял кольцо на дороге, когда убегал. Что он сделает дальше? Внимательно просмотрит вечерние газеты в надежде найти нужное сообщение в разделе найденных вещей. И его взгляд, конечно же, упадет на мое объявление. Он страшно обрадуется. Почему, собственно, он должен бояться ловушки? С его точки зрения, нет никаких причин связывать находку кольца с убийством. Он должен прийти. Он придет. В течение ближайшего часа вы увидите его.

– А потом?

– А потом вы оставите меня с ним наедине. У вас есть оружие?

– Старый табельный револьвер и несколько патронов к

нему.

– Почистите-ка его и зарядите. Человек это отчаянный, и, хоть я надеюсь застать его врасплох, лучше быть готовыми ко всему.

Я отправился к себе в спальню и последовал совету Холмса. Когда я вернулся в столовую с револьвером, посуду со стола уже убрали, а Холмс предавался любимому занятию – царапал свою скрипку смычком.

– Сюжет сгущается, – сказал он, заметив меня. – Я только что получил ответ на свою телеграмму, посланную в Америку. Он подтверждает, что суть дела я представил себе правильно.

– И в чем же эта суть? – нетерпеливо спросил я.

– Надо бы мне поменять струны на скрипке, – заметил Холмс. – Положите револьвер в карман. Когда явится этот парень, говорите с ним самым обычным тоном. Остальное предоставьте мне. И не буравьте его взглядом – спугнете.

– Уже восемь, – сказал я, посмотрев на часы.

– Да. Он должен быть с минуты на минуту. Приоткройте, пожалуйста, дверь. Достаточно. А теперь вставьте ключ с внутренней стороны. Благодарю вас. Занятную книжку купил я сегодня в букинистической лавке – «De Jure inter Gentes»¹⁸, издана на латыни в 1642 году в Льеже, в равнинной Шотландии. Когда этот маленький томик в коричневом переплете увидел свет, голова Карла еще прочно покоилась

¹⁸ «О международном праве».

на его плечах¹⁹.

– И кто ее издал?

– Некий Филип де Круа. На форзаце почти совсем выцветшими чернилами написано: «Экслибрис Гульельми Уайта». Интересно, кем был этот Уильям Уайт? Должно быть, каким-нибудь юристом-догматиком семнадцатого века. В его почерке есть что-то «крючкотворское». А вот, полагаю, и тот, кого мы ждем.

У входной двери послышался отрывистый звонок. Шерлок Холмс по-кошачьи проворно встал и передвинул свое кресло поближе к двери. Мы услышали шаги служанки по коридору, потом лязг отодвигаемой щеколды.

– Доктор Уотсон здесь живет? – спросил отчетливый, хотя и довольно сиплый голос. Мы не слышали, что ответила служанка, но дверь захлопнулась, и кто-то стал подниматься по лестнице. Неуверенные и шаркающие шаги удивили моего компаньона. Посетитель медленно проследовал через коридор второго этажа и робко постучал в дверь.

– Войдите! – крикнул я.

В ответ на мое приглашение в комнату вошел отнюдь не громила, какого мы ожидали, а очень старая сморщенная женщина, припадающая на одну ногу. Оказавшись на ярком свете, она беспомощно сощурилась и, неуклюже изобразив подобие книксена, уставилась на нас близорукими, беспре-

¹⁹ Карл Первый – английский король, вступивший на трон в 1625 году, в 1649 году был обезглавлен.

рывно моргающими глазами, нервно шаря при этом в кармане дрожащими пальцами. Я бросил взгляд на своего приятеля. У него был такой несчастный вид, что я с трудом сдержал улыбку.

Жалкая старуха достала из кармана смятую газету и ткнула пальцем в наше объявление.

– Я вот чего пришла-то, добрые господа, – сказала она, снова смешно приседая. – Золотое обручальное кольцо с Брикстон-роуд. Это кольцо моей дочки, Салли. Она замуж вышла – года еще не прошло. А муж у ней буфетчик, за границу плавает на пароходе, на этом как его... на «Юнион», вот. Ужас что будет, если он вернется, а у ней кольца нет. Он и обычно-то скор на расправу, а уж коли напьется... Вам же, наверное, надо знать, как она его потеряла, так я расскажу: пошла это она вчера в цирк с...

– Это оно? – перебил я, протягивая старухе кольцо.

– Слава тебе, Господи! – запричитала старуха. – Уж как Салли обрадуется-то сегодня. Ее это кольцо, оно самое.

– Где вы живете? – строго спросил я, берясь за карандаш.

– На Данкан-стрит, в Хаундсдиче, в тринадцатом доме.

Ох, и далеко же это отсюда.

– Но путь из Хаундсдича к какому бы то ни было цирку не проходит по Брикстон-роуд, – резко заметил Холмс.

Старуха повернула к нему голову, пронзительно взглянула на него своими покрасневшими маленькими глазками и ответила:

– Этот господин ведь спросил меня, где я живу. А Салли проживает в другом месте: в меблированных комнатах, дом три по Мейфилд-плейс, в Пекхеме.

– Ваша фамилия...

– Сойер, моя фамилия Сойер, а ее теперь – Деннис, как у мужа, Тома Денниса. Он вообще-то человек смирный и трезвый, пока плавает. На работе его считают самым лучшим буфетчиком. Но уж как сойдет на берег – тут уж его ни от пивной, ни от шлюх не оттащишь...

– Вот вам ваше кольцо, миссис Сойер, – прервал я ее излияния, повинувшись едва заметному знаку своего компаньона. – У меня больше нет сомнений, что оно действительно принадлежит вашей дочери, и я с радостью возвращаю его законной владелице.

Бормоча слова благодарности и моля Бога ниспослать мне всяческие милости за мою доброту, старуха аккуратно положила кольцо в карман и, все так же шаркая и прихрамывая, вышла. Когда мы услышали, что она начала спускаться по лестнице, Шерлок Холмс вскочил и бросился в свою комнату. Через несколько секунд он появился снова, одетый в ольстер²⁰, с обмотанной платком шеей.

– Я прослежу за ней, – поспешно сказал он. – У старухи должен быть сообщник, и она приведет меня к нему. Дождитесь меня.

²⁰ Ольстер – модель пальто, введенная в обиход белфастской (Ольстер) фирмой «Джон Г. Макги и К°».

Не успела входная дверь закрыться за нашей посетительницей, как Холмс уже сбегал вниз по лестнице. Выглянув в окно, я увидел, что старуха ковыляет по другой стороне улицы, а за ней, на небольшом расстоянии, неотступно следует Холмс. «Либо его теория неверна, – подумал я, – либо он в настоящий момент приближается к самой сердцевине этой тайны». Излишне было просить меня дожидаться его, я бы и сам не заснул, не услышав, чем кончилась его вылазка.

Холмс ушел около девяти. Я понятия не имел, долго ли он будет отсутствовать, но сидел, флегматично попыхивая трубкой и рассеянно скользя глазами по страницам «Жизни богемы» Анри Мюрже. Когда минуло десять, я услышал торопливые шаги служанки, идущей спать. В одиннадцать мимо моей двери куда более величавой поступью прошествовала, тоже отправляясь на покой, наша хозяйка. И только почти в полночь я услышал скрежет ключа. Едва Холмс вошел, я понял, что его постигла неудача, понял по выражению его лица: восхищение и досада боролись в нем. Наконец восхищение взяло верх, и он разразился добродушным смехом.

– Только бы мои приятели из Скотленд-Ярда не узнали об этом, – хохоча, сказал он и плюхнулся в кресло. – Я столько раз оставлял их в дураках, что уж они не упустят возможности поиздеваться надо мной. А сам я могу над собой посмеяться, поскольку знаю, что в конце концов все равно их обставлю.

– Да что случилось-то? – спросил я.

– О, эта история достойна рассказа, хоть она меня и несколько компрометирует. Виденное вами существо, отойдя на небольшое расстояние, вдруг сильно захромало, всячески демонстрируя, что стерло себе ногу. Потом старуха остановилась и окликнула проезжавший мимо четырехколесный кеб. Я постарался подобраться как можно ближе, чтобы услышать, какой адрес она назовет, но, как выяснилось, в этом не было никакой необходимости. Она проорала адрес так, чтобы было слышно на другом конце улицы: «Данкан-стрит, тринадцать, Хаундсдич!» Я уж подумал было, что все так и есть, как рассказала старуха, но решил проверить и пристроился на запятках. Умением ездить на запятках каждый сыщик должен владеть в совершенстве. Так мы тряслись по брусчатке, нигде не останавливаясь, пока не прибыли на искомую улицу. Спрыгнув чуть раньше, чем экипаж подкатил ко входу, я небрежно двинулся по тротуару, словно праздный прохожий, и увидел, как кеб остановился, извозчик спрыгнул с козел, открыл дверцу и застыл в ожидании. Но из кеба никто не появился. Когда я поравнялся с извозчиком, тот лихорадочно обшаривал пустую кабину, после чего разразился каскадом таких витиеватых ругательств, каких я в жизни не слыхивал. Его пассажирки и след простыл, так что денежки свои он вряд ли когда-нибудь получит. Наведя справки в номере тринадцать, мы узнали, что дом принадлежит уважаемому обойщику по фамилии Кесуик и в нем никогда слыхом не слыхивали ни о каких Сойерах или Ден-

нусах.

– Не хотите ли вы сказать, – не поверил я своим ушам, – что эта немощная старуха на ходу выпрыгнула из кеба, да еще так, что ни вы, ни извозчик ничего не заметили?!

– Какая там, к черту, старуха! – сердито воскликнул Шерлок Холмс. – Это мы с вами безмозглые старухи, раз дали себя так провести. Наверняка мы имеем дело с молодым мужчиной, притом очень энергичным, да к тому же превосходным актером. Его представление было бесподобным. Он, несомненно, заметил, что за ним следят, и проделал этот трюк, чтобы ускользнуть от меня. Это доказывает, что человек, за которым мы охотимся, действует не в одиночку, как я и полагал, у него есть друзья, готовые пойти ради него на риск. Ну ладно, доктор, хватит, вижу, у вас сил совсем не осталось. Послушайтесь моего совета и отправляйтесь-ка в постель.

Я и впрямь чувствовал себя очень усталым, поэтому без возражений повиновался его предписанию. Холмс же остался в кресле перед догорающим камином, и в ночи я еще долго слышал меланхоличные звуки его скрипки, понимая, что он продолжает размышлять над странной загадкой, которую постановил себе непременно разгадать.

6. Тобиас Грегсон демонстрирует свои способности

На следующее утро газеты изобиловали материалами о «Брикстонской тайне», как они именовали ее. Каждая дала подробный отчет о происшествии, а некоторые, сверх того, посвятили ей еще и передовицы. В них я нашел кое-какую новую для себя информацию. В моей записной книжке до сих пор хранятся многочисленные вырезки и выписки, касающиеся этого дела. Вот краткий обзор отдельных из них.

«Дейли телеграф» отмечала, что в истории криминалистики редко встретишь трагическое происшествие, коему сопутствовали бы столь странные обстоятельства. Немецкая фамилия жертвы, отсутствие какого бы то ни было мотива, зловещая надпись на стене – все указывает на то, что это преступление – дело рук политических иммигрантов и революционеров. В Америке существует множество организаций социалистов; наверняка покойный нарушил какие-то из их неписаных законов, за что они преследовали его. Коснувшись вскользь Фемгерихта²¹, аква тофаны²², карбонариев, маркизы де Бринвилье²³, теории Дарвина, мальтузианства и

²¹ Тайные суды в средневековой Германии, осуществлявшие акты возмездия.

²² Яд, названный по имени сицилианки Тофаны.

²³ Маркиза де Бринвилье – Мари Мадлен д’Обри (1630–1676), француженка, отравившая собственного отца, брата и сестер.

убийств на Рэтклиффской дороге, автор статьи в заключение обращал внимание правительства на необходимость осуществлять более строгий надзор за иностранцами, находящимися на территории Англии.

«Стэндард» делилась наблюдением, что подобное поругание законов страны, обычно происходящее именно при либеральных правительствах, – следствие брожения умов, которое ведет к ослаблению власти. Убитый американский гражданин несколько недель проживал в столице. Он квартировал в пансионе мадам Шарпентье, на Торки-террас, в Кэмберуэлле. В поездке его сопровождал личный секретарь мистер Джозеф Стэнджерсон. Они распрощались со своей квартирной хозяйкой во вторник 4-го inst.²⁴ и отправились на Юстонский вокзал с намерением сесть в ливерпульский экспресс. Чуть позже их видели на перроне вместе. После этого, вплоть до того момента, когда тело мистера Дреббера было найдено, как сообщается, в пустом доме на Брикстон-роуд, за несколько миль от Юстона, о них ничего не известно. Как попал туда мистер Дреббер и как нашел он свою смерть – вот вопросы, все еще окутанные мраком тайны. Ничего не известно и о местонахождении мистера Стэнджерсона. Обнадеживает лишь то, что в расследовании участвуют известные сыщики Скотленд-Ярда мистер Лестрейд и мистер Грегсон. Это дает основание надеяться, что свет в конце тоннеля появится скоро.

²⁴ Латинское обозначение «текущего месяца».

Газета «Дейли ньюс» высказывала уверенность, что преступление это политическое. Деспотизм континентальных правительств и их ненависть к либерализму привели к тому, что к нашим берегам прибивается множество людей, которые могли бы стать добропорядочными гражданами, не будь они отравлены воспоминаниями о том, что им пришлось пережить на родине. В среде этих людей действует свой строгий кодекс чести, любое нарушение коего карается смертью. Необходимо приложить все усилия, чтобы найти мистера Стэнджерсона, секретаря покойного, и уточнить особые привычки его шефа. Большой удачей можно считать то, что удалось узнать адрес пансиона, в котором они квартировали, чем мы всецело обязаны проницательности и энергии мистера Грегсона из Скотленд-Ярда.

Мы с Шерлоком Холмсом вместе просматривали эти статьи за завтраком, и они, судя по всему, немало позабавили его.

– Я же говорил вам: что бы ни случилось, Лестрейд и Грегсон внакладе не останутся.

– Ну, это смотря по тому, как обернется дело.

– Господь с вами, Уотсон, это не будет иметь ровным счетом никакого значения. Если парня поймают, это случится «благодаря их стараниям»; если он улизнет, то – «несмотря на их старания». Как говорится, кому вершки, а кому корешки. Что бы они ни наворотили, у них всегда найдутся защит-

ники. «Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire»²⁵.

– Боже праведный, это еще что такое? – воскликнул я, услышав в прихожей и на лестнице топот множества ног, сопровождаемый громкими возмущенными возгласами нашей хозяйки.

– Это летучий отряд уличной сыскной полиции Бейкер-стрит, – совершенно серьезно объяснил Холмс.

Не успел он закончить фразу, как в комнату ворвалось с полдюжины самых замурзанных и оборванных беспризорников, каких я когда-либо видел.

– Смирно! – строго скомандовал им Холмс, и шестеро грязных сорванцов замерли в строю, словно маленькие диковинные изваяния. – Впредь являться сюда с докладом только Уиггинсу, остальным – ждать на улице. Ну что, Уиггинс, нашли?

– Никак нет, сэр, не нашли, – отрапортовал один из юнцов.

– Я особо и не надеялся. Но вы должны продолжать поиски – пока не найдете. Вот ваше жалованье. – Холмс вручил каждому по шиллингу. – А теперь марш отсюда и в следующий раз приносите новости получше.

Он махнул рукой, и мальчишки кубарем скатились по лестнице, как серая крысиная стайка; в следующую секунду их пронзительные голоса доносились уже с улицы.

– От этих маленьких попрошаек толку бывает больше, чем от дюжины полицейских, – заметил Холмс. – Один вид

²⁵ «Глупец глупцу всегда внушает восхищение» (фр.).

человека в форме лишает людей речи. А эти малолетки шныряют повсюду и все слышат. Вы не представляете себе, как они сметливы; им недостает только организованности.

– Вы наняли их для работы над брикстонским делом? – поинтересовался я.

– Да, мне нужно кое-что уточнить. Но это всего лишь вопрос времени. Ага! Сейчас новостей у нас будет в избытке! Вон идет Грегсон с сияющей от самодовольства физиономией. Не сомневаюсь, он направляется к нам. Ну, что я вам говорил? Остановился. А вот и он!

Бешено затрезвонил колокольчик, и через несколько секунд белобрысый сыщик взбежал по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, и ворвался в нашу гостиную.

– Мой дорогой коллега, – закричал он, тряся вялую руку Холмса, – поздравьте меня! Я сорвал покров с этой тайны, теперь все ясно как белый день.

Тревожная тень пробежала, как мне почудилось, по лицу моего компаньона.

– Вы хотите сказать, что напали на верный след? – спросил он.

– На верный след! – саркастически повторил Грегсон. – Сэр, этот человек уже сидит у нас под замком!

– И его имя?..

– Артур Шарпентье, младший лейтенант Военно-морского флота ее величества, – торжественно доложил Грегсон, потирая свои пухлые руки и надуваясь от важности, как ин-

дюк.

Шерлок Холмс с облегчением вздохнул; его поджатые губы расплылись в довольной улыбке.

– Присядьте и попробуйте вот эти сигары, – предложил он. – Мы сгораем от нетерпения узнать, как вам это удалось. Хотите виски с содовой?

– Не откажусь, – ответил детектив. – Чудовищное напряжение минувших дней вконец измотало меня. Я имею в виду, разумеется, не физическое, а умственное напряжение – ну, вы понимаете. Вам ли не оценить его, мистер Шерлок Холмс, ведь мы с вами – работники умственного труда.

– Это слишком большая честь для меня, – серьезно ответил Холмс. – Ну, не томите, поведайте нам, как вы пришли к столь успешному результату.

Удобно устроившись в кресле, Грегсон все с тем же самодовольным видом выпустил облачко сигарного дыма. Потом вдруг хлопнул себя по бедру и в пароксизме бурного веселья воскликнул:

– Самое забавное, что придурок Лестрейд, считающий себя таким умным, сразу взял абсолютно ложный след! Он гоняется за секретарем Стэнджерсоном, который имеет не больше отношения к делу, чем еще не родившийся младенец. Не сомневаюсь, к настоящему времени Лестрейд уже схватил его.

Эта мысль так позабавила Грегсона, что он зашелся смехом.

– И как же вы нашли ключ к разгадке?

– С удовольствием расскажу вам. Конечно, это все строго между нами, доктор Уотсон, – предупредил он меня. – Первая трудность, которую нам пришлось преодолеть, состояла в том, чтобы выяснить прошлое этого американца. Другой стал бы ждать, пока кто-нибудь откликнется на его объявление или придет сам, чтобы поделиться сведениями. Но не таков Тобиас Грегсон! Вы помните шляпу, лежавшую рядом с убитым?

– Да, – ответил Холмс. – Она куплена в магазине «Джон Андервуд и сыновья», Чемберуэл-роуд, сто двадцать девять. Грегсон был явно разочарован.

– Не знал, что вы тоже это заметили. Вы туда ездили?

– Нет.

– Ха! – Грегсон воспрял духом и назидательно заметил: – Никогда не следует пренебрегать ни единой возможностью, какой бы незначительной она ни казалась.

– Для мощного ума не существует мелочей, – афористично заметил Холмс.

– Итак, я отправился к Андервуду и спросил его, не продавал ли он недавно шляпы такого-то фасона и такого-то размера. Справившись в своих учетных книгах, Андервуд выяснил, что одну такую шляпу действительно продал. Он послал ее мистеру Дребберу, остановившемуся в пансионе Шарпентье на Торки-террас. Так я узнал адрес.

– Умно, очень умно! – пробормотал Шерлок Холмс.

– Затем я навестил мадам Шарпентье, – продолжал сыщик, – и застал ее очень бледной и расстроенной. В комнате находилась также ее дочь – на редкость, доложу я вам, миленькая девушка; глаза у нее были красные, а когда я заговорил с ней, губы ее задрожали, что не укрылось от моего внимания. Я почуял запах добычи. Вам, конечно, знакомо это чувство, мистер Шерлок Холмс: когда нападаешь на след, по нервам словно пробегает волна вибрации. «Слышали ли вы о загадочной смерти своего недавнего квартиранта мистера Еноха Дж. Дреббера из Кливленда?» – спросил я. Мать кивнула. Было видно, что она не в состоянии вымолвить ни слова. А дочь разрыдалась. Это еще больше утвердило меня в мысли, что этим женщинам что-то известно. «В котором часу мистер Дреббер покинул ваш дом и отправился на вокзал?» – поинтересовался я.

«В восемь, – ответила мать, судорожно сглатывая, чтобы унять волнение. – Его секретарь мистер Стэнджерсон сказал, что есть два поезда: один в девять пятнадцать, другой в одиннадцать. Он собирался сесть на первый».

«И тогда вы видели его в последний раз?» – уточнил я.

Женщина изменилась в лице и смертельно побледнела. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы совладать с собой, после чего она с трудом выдавила одно-единственное слово: «Да», причем голос звучал хрипло и неестественно.

На несколько секунд наступило молчание, потом дочь спокойно и четко произнесла: «Мама, обман никогда до

добра не доводит. Давай откровенно расскажем все этому джентльмену. Мы видели мистера Дреббера еще раз».

«Да простит тебя Господь! – воздев руки к небу, воскликнула мадам Шарпентье и тяжело опустилась в кресло. – Но ты только что погубила своего брата».

«Артур сам предпочел бы, чтобы мы были честны», – твердо возразила дочь.

«Расскажите-ка мне все прямо сейчас, – вмешался я. – Полуправда еще хуже, чем сокрытие истины. Кроме того, вы ведь не знаете, как много нам уже известно».

«Ну что ж, Алиса, это будет на твоей совести! – сквозь всхлипывания проговорила мать и, повернувшись ко мне, добавила: – Я расскажу вам все, сэр. Только прошу вас не думать, что моя тревога за сына вызвана страхом выдать его причастность к этому чудовищному делу. Мой сын не имеет к нему ни малейшего отношения. Тем не менее я, конечно же, боюсь, что в ваших глазах и в глазах других людей он может оказаться скомпрометированным. Впрочем, нет, это исключено: его безупречная честность, звание офицера и беспорочная репутация не позволят заподозрить его».

«Лучшее, что вы можете сейчас сделать, – это облегчить душу, чистосердечно открыв мне все факты, – посоветовал я. – Если ваш сын невиновен, это ему никак не повредит».

«Алиса, думаю, тебе лучше оставить нас наедине, – сказала мать, и дочь тут же удалилась. – Итак, сэр, – продолжила мадам Шарпентье, – не собиралась я всего этого вам расска-

зывать, но раз уж моя несчастная дочь открыла карты, выхода у меня нет. А решившись, я поведаю все, не утаив ни малейшей подробности».

«Очень мудрое решение», – похвалил я.

«Мистер Дреббер прожил у нас около трех недель. Они с мистером Стэнджерсоном, его секретарем, судя по всему, путешествовали по Европе: заметив бирки «Копенгаген» на их чемоданах, я решила, что это было место их последней остановки. Стэнджерсон был человеком тихим и сдержанным, чего, увы, никак нельзя сказать о его хозяине. Тот вел себя грубо и развязно. В первый же вечер по приезде он в стельку напился. Признаться, после полудня его вообще редко видели трезвым. С прислугой он обращался фамильярно и допускал непростительные вольности. Но хуже всего то, что вскоре он стал позволять себе подобное и по отношению к моей дочери Алисе; слава Богу, что она по невинности своей не понимала, что означает манера, в какой мистер Дреббер неоднократно пытался говорить с ней. А однажды он дошел до того, что грубо схватил мою дочь и против ее воли поцеловал. Выходка была настолько безобразной, что даже собственный секретарь мистера Дреббера не сдержался и упрекнул его за поведение, не достойное настоящего мужчины».

«Но вы-то сами почему терпели все это? – спросил я. – Вы ведь в любой момент могли выставить его за дверь».

Мой вполне уместный вопрос вогнал мадам Шарпентье в

краску. «Видит Бог, мне хотелось сделать это с самого первого дня по его приезду, – сказала она. – Но слишком уж велико оказалось искушение. Они платили каждый по фунту в день – это четырнадцать фунтов в неделю, а ведь сезон сейчас мертвый. Я вдова, служба моего мальчика в военно-морском флоте недешево мне обходится. Признаюсь: я позарилась на деньги. Хотела сделать как лучше. Но последняя выходка постояльца переполнила чашу моего терпения, и я уведомила его, что отказываю ему от комнаты. Поэтому-то он и решил уехать».

«Продолжайте», – подбодрил ее я.

«У меня камень с души свалился, когда я увидела, как он отъезжает от дома. Мой сын сейчас в отпуске, но я не стала посвящать его во все эти неприятности, потому что сестру он боготворит, а нрав у него весьма крутой. Закрыв дверь за постояльцами, я испытала невероятное облегчение. Увы! Не прошло и часа, как у входной двери раздался звонок, и мне доложили, что мистер Дреббер вернулся. Он был чрезвычайно возбужден и совершенно очевидно пьян. Безо всякого разрешения он вломился в комнату, где сидели мы с дочерью, и буркнул мне что-то невразумительное насчет опоздания на поезд. Потом подошел к Алисе и, ничуть не смущаясь моим присутствием, предложил ей уехать с ним. «Вы уже не ребенок, – сказал он, – и никакой закон не может вам запретить это сделать». Денег, мол, у него более чем достаточно, так что «не обращайтесь внимания на свою старуху (это он

обо мне) и поедемте прямо сейчас, будете жить, как принцесса». Бедная Алиса так испугалась, что сжалась в комок и отпрянула от него, но он схватил ее за руку и потащил к двери. Я закричала, и в этот момент в комнату вошел мой сын Артур. Что происходило дальше, не знаю – слышала лишь злобную ругань и невнятный шум драки. Я так испугалась, что боялась поднять голову. Когда же все-таки решилась взглянуть, то увидела, что Артур, смеясь, стоит в дверях с палкой в руке. «Думаю, этот храбрец нас больше не потревожит, – сказал он. – Но присмотрю-ка я за ним на всякий случай». С этими словами Артур взял шляпу и вышел на улицу. А на следующее утро мы услышали о загадочной смерти мистера Дреббера».

Все это мадам Шарпентье рассказывала, постоянно всхлипывая и вздыхая. Временами голос ее звучал так тихо, что я едва разбирал слова. Тем не менее я все застенографировал, чтобы исключить возможность каких бы то ни было недоразумений в будущем.

– Весьма волнующее повествование, – зевая, заметил Шерлок Холмс. – Что было потом?

– Когда мадам Шарпентье замолчала, – продолжил Грегсон, – я понял, что все дело свелось теперь к одному обстоятельству. Пронзив ее взглядом, который, как я имел возможность убедиться, безотказно действует на женщин, я спросил, в котором часу ее сын вернулся домой. Она ответила, что не знает.

«Не знаете?»

«Нет, у него свой ключ».

«Но это было после того, как вы легли спать?»

«Да».

«А когда вы легли?»

«Около одиннадцати».

«Значит, ваш сын отсутствовал по меньшей мере два часа?»

«Да».

«А может, четыре или пять?»

«Может».

«Что он делал все это время?»

«Не знаю», – ответила она, побледнев так, что даже губы стали белыми.

Разумеется, остальное было делом техники. Выяснив, где находится младший лейтенант Шарпентье, я взял с собой двух полисменов и арестовал его. Когда я положил руку ему на плечо и предупредил, чтобы он безо всякого шума следовал за нами, Шарпентье нагло заявил: «Держу пари, вы арестуете меня по подозрению в убийстве этого мерзавца Дреббера». Поскольку мы ничего ему об убийстве не сообщали, такая догадливость выглядела весьма подозрительно.

– Весьма, – подтвердил Холмс.

– Палка, которую, по словам его матери, он прихватил, отправляясь вслед за Дреббером, по-прежнему находилась при нем. Это была здоровенная дубина.

– Ну и какова же ваша версия?

– Моя версия такова: он следовал за Дреббером до Брикс-тон-роуд. Там между ними произошла новая стычка, в ходе которой Дреббер получил удар дубиной, предположительно в подкожную ямку. От этого-то удара, не оставившего внешних следов на теле, и наступила смерть. В такую промозглую погоду на улице не было ни души, так что Шарпентье спокойно затащил тело жертвы в пустой дом. Что же касается свечи и крови, а также надписи на стене и кольца, то все это могло быть подстроено специально, чтобы ввести полицию в заблуждение.

– Отличная работа! – бодро похвалил Холмс. – Грегсон, вы делаете большие успехи. Не сомневаюсь, мы еще услышим о вас.

– Лыщу себя надеждой, что сработал недурно, – гордо согласился сыщик. – Молодой человек пожелал сделать заявление, согласно которому он шел за Дреббером некоторое время, пока тот не заметил его и не сел в кеб, чтобы избавиться от преследования. По дороге домой подозреваемый якобы встретил старого флотского приятеля и долго гулял с ним. На вопрос, где живет его приятель, Шарпентье не смог дать удовлетворительного ответа. По моим соображениям, общая картина преступления складывается на удивление полно. Но что доставляет мне особое удовольствие, так это мысль о том, что Лестрейд до сих пор идет по ложному следу. Не думаю, чтобы на этом пути ему улыбнулась удача. Ба, да вот

и он сам!

Это действительно был Лестрейд; за разговором мы не услышали его шагов на лестнице, поэтому его появление в комнате было неожиданным. От самонадеянности и щегольства, обычно отличавших его манеру одеваться и вести себя, не осталось и следа. Лицо Лестрейда выражало растерянность и недоумение, а платье было измято и перепачкано грязью. Видимо, он пришел посоветоваться о чем-то с Шерлоком Холмсом, но, увидев своего коллегу, был раздосадован и смешался. Стоя посреди комнаты и нервно теребя в руках шляпу, Лестрейд явно не знал, что делать.

– Совершенно необычное дело, – сказал он наконец, – просто непостижимое.

– Вы находите, мистер Лестрейд? – язвительно спросил Грегсон. – Впрочем, я подозревал, что именно к такому заключению вы и придете. Вам удалось разыскать секретаря, мистера Джозефа Стэнджерсона?

– Этот секретарь, мистер Джозеф Стэнджерсон, – угрюмо ответил Лестрейд, – был убит в частной гостинице «Холлидей» сегодня утром, около шести часов.

7. Свет во тьме

Сообщение, которым огорошил нас Лестрейд, было настолько важным и неожиданным, что в первый момент мы все потеряли дар речи. Грегсон вскочил с кресла, расплескав

остатки своего виски. Я молча уставился на Шерлока Холмса. Тот сидел, плотно сжав губы и нахмутив лоб.

– Значит, Стэнджерсон тоже! – пробормотал он. – Сюжет усложняется.

– Он и без того был сложнее некуда, – ворчливо заметил Лестрейд, подвигая себе стул. – Кажется, я попал на заседание военного совета.

– Вы... вы уверены в том, что эта информация верна? – запинаясь, спросил Грегсон.

– Я только что сам обнаружил труп, – ответил Лестрейд.

– А мы здесь тем временем выслушали версию Грегсона, – заметил Холмс. – Не откажете ли теперь в любезности поведать нам обо всем, что вы видели и успели предпринять.

– Почему бы и нет, – отозвался Лестрейд, усаживаясь. – Признаться, я до сих пор придерживался мнения, что Стэнджерсон замешан в убийстве Дреббера, но, как показали последние события, был совершенно не прав. Одержимый своей идеей, я задался целью разузнать, что случилось с секретарем. Последний раз их видели вместе на Юстонском вокзале третьего числа около половины девятого вечера. В два часа утра следующего дня Дреббер был найден мертвым на Брикстон-роуд. Мне предстояло выяснить, чем занимался Стэнджерсон с двадцати тридцати до момента совершения преступления и куда делся потом. Я дал в Ливерпуль телеграмму с описанием его внешности и просьбой проследить за пассажирами всех судов, отплывающих в Америку, после

чего начал объезжать гостиницы и пансионы в районе Юстона. Я рассуждал так: если Стэнджерсон не встретился со своим компаньоном в назначенный срок, то самое разумное для него устроиться на ночь где-нибудь поблизости, а на следующее утро снова поджидать партнера на вокзале.

– Они могли заранее условиться о месте встречи, – предположил Холмс.

– Так оно и оказалось. Все мои вчерашние поиски окончились неудачей. Сегодня я начал свой объезд с утра пораньше и в восемь часов прибыл в частную гостиницу «Холидей» на Литтл-Джон-стрит. На вопрос, не остановился ли у них мистер Стэнджерсон, я сразу получил утвердительный ответ.

– Вы наверняка тот самый джентльмен, которого он ожидает, – сказали мне. – Он уже два дня ждет какого-то джентльмена.

– Где он сейчас? – спросил я.

– Наверху, спит у себя в комнате. Он просил разбудить его в девять.

– Я поднимусь и сам разбужу его, – сказал я, надеясь, что мое внезапное появление заставит Стэнджерсона нервничать и, быть может, он невольно выдаст себя. Коридорный вызвался проводить меня до его комнаты, она находилась на втором этаже, в конце небольшого коридора. Указав мне нужную дверь, он собрался уже идти вниз, когда я увидел нечто, от чего у меня, несмотря на мой двадцатилетний опыт, похолодело внутри. Из-под двери, пересекая ко-

ридор, струилась тонкая извилистая красная ленточка; упираясь в плинтус на противоположной стене, она образовала небольшую лужицу крови. Я невольно вскрикнул, что заставило коридорного вернуться. Ему при виде крови и во все чуть не стало дурно. Дверь была заперта изнутри, но мы, дружно навалившись плечами, высадили ее. Окно в комнате было распахнуто, и под ним, скрючившись, лежал человек в ночной рубашке. Он, несомненно, был мертв, причем давно, поскольку конечности его уже окоченели. Когда мы перевернули его, коридорный сразу же признал в нем того самого джентльмена, который снял у них номер под именем Джозефа Стэнджерсона. Причиной смерти была глубокая колотая рана в левом боку; лезвие, видимо, достало до сердца. А теперь самое странное. Как вы думаете, что мы увидели, подняв головы?

Прежде чем Шерлок Холмс успел ответить, у меня от предчувствия чего-то ужасного по всему телу побежали мурашки.

– Слово «gache», написанное кровью на стене, – догадался Холмс.

– Точно, – подтвердил Лестрейд с суеверным ужасом, и мы все на миг онемели.

Было нечто зловеще неотвратимое и непостижимое в действиях таинственного убийцы, отчего его преступления казались еще более чудовищными. При мысли об этом мои нервы, ни разу не дрогнувшие на полях сражений, едва не

сдали окончательно.

– Выяснилось, что убийцу видели, – продолжал Лестрейд. – Мальчик-посыльный из молочной лавки, разносивший заказы, шел по дороге, ведущей от конюшни к черному ходу гостиницы, и заметил, что лестница, обычно лежащая на земле, приставлена к открытому окну второго этажа. Мальчик прошел было мимо, но потом оглянулся и увидел, что по ней спускается мужчина. Однако делал он это так открыто и невозмутимо, что мальчик принял его за гостиничного плотника или столяра и особого внимания не обратил, хотя и отметил про себя: рановато, мол, начался у того сегодня рабочий день. По описанию мальчика, мужчина был высокого роста, с красным лицом, в длинном коричневом плаще. Должно быть, он ненадолго задержался в номере после убийства, потому что в умывальном тазу мы нашли красноватую воду – видимо, убийца вымыл руки перед уходом, а на простыне, которой он сознательно вытер нож, остались характерные пятна крови.

Когда Лестрейд описывал внешность убийцы, я с восхищением посмотрел на Холмса – описание в точности соответствовало составленному им портрету. Но на лице моего компаньона не было и намек на торжество или хотя бы удовлетворение.

– Вы не нашли в комнате ничего необычного, что могло бы дать ключ к разгадке? – спросил он.

– Нет. В кармане убитого лежал кошелек Дреббера, но в

этом нет ничего странного, поскольку именно он всегда за него расплачивался. В кошельке остались нетронутыми восемьдесят с чем-то фунтов, значит, деньги убийцу не прельщали. Каковы бы ни были мотивы этих странных преступлений, грабеж определенно исключается. В карманах жертвы мы не нашли ни документов, ни записок, только телеграмму, отправленную из Кливленда около месяца тому назад. Текст такой: «Дж. Х. в Европе». Без подписи.

– И ничего больше? – спросил Холмс.

– Ничего существенного. На кровати лежала книжка, которую убитый, видимо, читал на сон грядущий, а на стуле возле кровати – трубка. На столе стоял стакан с водой, а на подоконнике – коробочка для лекарств с двумя пилюлями.

При этих словах Холмс вскочил и торжествуя воскликнул:

– Вот оно, последнее звено! Теперь все сошлось.

Сыщики посмотрели на него с недоумением.

– Теперь, – доверительно сообщил мой компаньон, – у меня в руках кончики всех нитей, сплетенных в этот клубок. Разумеется, придется уточнить кое-какие мелочи, но все основные события, случившиеся с того момента, как Дреббер расстался со Стэнджерсоном на вокзале, и до того, когда был обнаружен труп последнего, ясны мне так, словно происходили на моих глазах. И я готов представить тому доказательство. Не заберете ли оттуда эти пилюли?

– Они у меня. – Лестрейд вынул из кармана маленькую

белую коробочку. – Я прихватил и их, и кошелек, и телеграмму, чтобы доставить в участок в качестве вещественных доказательств. Пилюли я, правда, поначалу и брать не хотел, поскольку не думаю, что они представляют интерес для следствия.

– Дайте их мне, – попросил Холмс. – Скажите-ка нам, доктор, – он повернулся ко мне, – это обычные пилюли?

Обычными эти пилюли – жемчужно-серые, маленькие, круглые и почти прозрачные, если смотреть на свет, – совершенно очевидно не были.

– Судя по весу и прозрачности, – сказал я, – можно предположить, что они растворяются в воде.

– Вот именно, – подтвердил мое наблюдение Холмс. – А теперь окажите мне услугу: спуститесь, пожалуйста, вниз и принесите сюда того несчастного терьера, так давно и безнадежно хворающего, что наша хозяйка еще вчера просила вас избавить его от страданий.

Я принес собачку. Хриплое затрудненное дыхание и остекленевший взгляд животного свидетельствовали о том, что конец его близок. По матово-белому носу терьера нетрудно было догадаться, что он давно перешагнул порог своего земного собачьего срока. Я осторожно опустил его на подушечку для ног, лежавшую на ковре.

– Сейчас я разрежу одну из этих пилюль пополам. – Взяв перочинный нож, Холмс привел свои слова в исполнение. – Одну половинку кладем обратно в коробочку, она нам еще

может пригодиться. Другую положим в стакан и зальем чайной ложкой воды. Как видите, наш друг доктор совершенно прав: пилюля сразу растворилась.

– Это, конечно, очень интересно, – сказал Лестрейд, явно подозревающий, что над ним издеваются, – но какое отношение это имеет к смерти мистера Джозефа Стэнджерсона?

– Терпение, мой друг, терпение! Скоро вы увидите, что это имеет к ней самое прямое отношение. Добавим чуточку молока, чтобы подсластить жидкость, и угостим ею собачку; угощение должно ей понравиться.

Продолжая говорить, Холмс вылил содержимое стакана в блюдце, поставил его перед терьером, и тот быстро вылакал смесь. Серьезность, с какой Холмс проделывал все эти манипуляции, была настолько убедительна, что мы молча внимательно наблюдали за собакой, ожидая необычного эффекта. Между тем ничего не происходило. Песик продолжал расслабленно лежать на подушке, все так же тяжело дыша. В его состоянии, судя по всему, не произошло никаких перемен – ни к лучшему, ни к худшему.

Холмс вынул из кармашка часы и стал следить за временем, но, по мере того как минута проходила за минутой, а результата все не было, выражение лица у него становилось все более огорченным и разочарованным. Закусив губу и нервно барабаня пальцами по столу, Холмс всем своим видом демонстрировал крайнее нетерпение. Он так волновался, что мне стало искренне жаль его. Сыщики насмешливо улыба-

лись, несомненно, радуясь его неудаче.

– Совпадение исключено, – не выдержал наконец Холмс и, вскочив, начал широкими шагами расхаживать взад и вперед по комнате. – Нет, таких совпадений не бывает. Пилюли, существование которых я заподозрил еще после смерти Дреббера, действительно найдены на месте убийства Стэнджерсона. Однако они не действуют. Что бы это значило? Ход моих умозаключений не мог быть неверным. Это просто невероятно! Тем не менее несчастный пес все еще жив. Бог мой, так вот в чем дело! Я все понял! – С этим радостным возгласом Холмс бросился к коробочке, разрезал вторую пилюлю, растворил ее, добавил молока и подвинул блюдце под нос терьеру. Не успело несчастное создание лизнуть эту новую смесь, как по всем его четырем конечностям пробежала конвульсия и пес, вытянувшись, замер неподвижно, словно пораженный молнией.

Шерлок Холмс с облегчением сделал длинный выдох и утер пот со лба.

– Мне надо больше доверять самому себе, – сказал он. – Пора бы уже усвоить: если факт на первый взгляд противоречит всей последовательности умозаключений, это означает лишь то, что он имеет какое-то иное толкование. Из двух пилюль, находившихся в коробочке, одна представляет собой смертельный яд, другая же – абсолютно безвредна. Мне следовало догадаться об этом еще до того, как я увидел их.

Последнее замечание показалось мне настолько безосно-

вательным, что я усомнился, в здравом ли Холмс уме. Но перед нами лежала мертвая собака, и это доказывало, что догадка моего компаньона верна. Мало-помалу туман в моей голове начал рассеиваться и забрезжило смутное понимание ситуации.

– Все это может удивить вас, – продолжал между тем Холмс, – поскольку в самом начале расследования вы недооценили важность единственного обстоятельства, которое давало реальный ключ к разгадке. Мне же посчастливилось ухватиться за него, и все, что происходило дальше, лишь подтверждало мое изначальное предположение и логически вытекало из него. Вот почему то, что обескураживало вас и, как казалось, смешивало все карты, для меня все больше проясняло дело и подтверждало мои выводы. Серьезная ошибка – путать странность с тайной. Самое обычное преступление зачастую представляется самым таинственным, потому что ему не сопутствуют ни новые, ни особые обстоятельства, способные дать пищу для размышлений и умозаключений. Это убийство было бы неизмеримо труднее раскрыть, если бы тело жертвы нашли на дороге, и картина лишилась бы того утрированного и сенсационного антуража, который делает его столь примечательным. Все эти странные детали отнюдь не усложняют расследование, напротив, упрощают его.

Мистер Грегсон, дожидавшийся окончания этой тирады с нескрываемым нетерпением, наконец не выдержал:

– Послушайте, мистер Шерлок Холмс, мы все готовы признать, что вы очень сообразительны и разработали собственный уникальный метод расследования. Но сейчас хотелось бы чего-то большего, чем абстрактные теории и поучения. Речь идет о том, чтобы схватить убийцу. Я шел своим путем и, судя по всему, ошибся. Молодой Шарпентье не может быть причастен ко второму убийству. Лестрейд преследовал своего предполагаемого преступника, Стэнджерсона, и скорее всего тоже ошибался. Вы же только сыплете намеками и даете понять, что знаете гораздо больше нашего. По-моему, мы уже имеем право спросить прямо: что вам известно об этом деле? Вы можете назвать имя убийцы?

– Вполне согласен с Грегсоном, сэр, – подхватил Лестрейд. – Каждый из нас предпринял свою попытку, и мы оба потерпели неудачу. Вы не раз с момента моего прихода повторили, что располагаете всеми необходимыми уликами. Думаю, вам не следует больше скрывать их от нас.

– Если медлить с арестом убийцы, – присоединился я к ним, – он может совершить еще какое-нибудь злодеяние.

Под нашим дружным напором Холмс, похоже, заколебался. Опустив голову и нахмутив брови, как делал всегда, когда что-то обдумывал, он продолжал мерить шагами комнату.

– Убийств больше не будет, – сказал он наконец, внезапно остановившись и подняв голову. – В этом можете не сомневаться. Вы спросили меня, знаю ли я имя преступника. Знаю. Но знать имя преступника еще не значит поймать его. А это

я намерен сделать в ближайшее время. У меня есть серьезные основания полагать, что мне это удастся благодаря принятым заранее мерам. Но действовать надо чрезвычайно осторожно, так как мы имеем дело с очень ловким и отчаянным человеком. У него, как я уже доказал, есть сообщник, не менее искусный, чем он сам. Пока этот человек не догадывается, что его замысел раскрыт, остается шанс обезвредить его; но если у него возникнет хоть малейшее подозрение, он тут же сменит имя и вмиг растворится в четырехмиллионной массе жителей этого огромного города. Отнюдь не желая обидеть кого-либо из вас, вынужден все же заметить, что полиции подобные субъекты не по зубам, вот почему я и не прибегаю к вашей помощи. Если я потерплю неудачу, вся ответственность за провал, разумеется, ляжет на меня, в этом я отдаю себе полный отчет. Пока же обещаю, что, как только смогу рассказать вам все, не подвергая угрозе свой план, я немедленно это сделаю.

Грегсона и Лестрейда его заверения явно не удовлетворили, а уничижительный намек на несостоятельность уголовной полиции возмутил их. Первый сыщик вспыхнул до корней своих белобрысых волос, глазки-бусинки другого заблестели от негодования, но отчасти и от любопытства. Однако не успел ни один из них произнести ни слова, как раздался стук в дверь и на пороге появился полномочный представитель чумазных беспризорников, юный Уиггинс, собственной непрезентабельной и сомнительной персоной.

– Разрешите доложить, сэр, – выпалил он, прикладывая руку к несуществующему козырьку, – кеб ждет у дверей.

– Молодец, – похвалил его Холмс и, достав из ящика стола пару стальных наручников, обратился к сыщикам: – Почему Скотленд-Ярд не пользуется этой моделью? Вы только посмотрите, как легко и быстро защелкиваются на ней замки.

– Нам и старая сойдет, – огрызнулся Лестрейд. – Было бы на ком защелкивать.

– Ну что ж, вам виднее, – улыбнулся Холмс. – Пусть извозчик снесет вниз мой багаж. Уиггинс, попросите его подняться.

Я был немало удивлен: оказывается, мой компаньон собирался уезжать, не сказав мне ни слова. В комнате действительно стоял небольшой дорожный саквояж. Холмс выдвинул его на середину и, встав на колени, начал затягивать ремни. За этим занятием и застал его вошедший в гостиную извозчик.

– Помогите мне, пожалуйста, с замком, – не поднимая головы, обратился к нему Холмс.

Парень подошел к нему с видом, не лишенным угрюмой дерзости, и протянул руки к саквояжу. В тот же миг раздался резкий щелчок, металлический лязг, и Шерлок Холмс, вскочив на ноги и сверкнув глазами, воскликнул:

– Джентльмены, позвольте представить вам мистера Джефферсона Хоупа, убийцу Еноха Дреббера и Джозефа

Стэнджерсона!

Все произошло молниеносно, я даже не успел сообразить, что, собственно, случилось. Как сейчас помню ту сцену: выражение триумфа на лице Холмса, его звенящий голос и злое ошеломленное лицо извозчика, уставившегося на блестящие наручники, каким-то чудом вдруг оказавшиеся на его запястьях. На секунду-другую мы все безмолвно застыли, как группа каменных изваяний. Потом с нечленораздельным звериным рыком пленник вырвался из рук Холмса и метнулся к окну. Врезавшись в него, он разбил стекло и высадил раму, но выпрыгнуть не успел: Грегсон, Лестрейд и Холмс набросились на него, как свора шотландских борзых, оттащили в комнату, и началась свирепая схватка. Мужчина сражался с таким бешенством и отчаянием, что мы вчетвером не могли совладать с ним, он снова и снова раскидывал нас в стороны. Такая сила, как у него, появляется у эпилептика в момент припадка. Лицо и руки преступника были страшно изрезаны осколками оконного стекла, но даже большая потеря крови не уменьшила его воли к сопротивлению. И только когда Лестрейду удалось ухватиться за шейный платок убийцы и затянуть его, словно петлю, он понял наконец, что дальнейшая борьба бессмысленна. Однако в безопасности мы не чувствовали себя до тех пор, пока не связали ему ноги. Лишь тогда, задыхаясь и пыхтя, мы поднялись с пола.

– На улице стоит его кеб, – сказал Холмс. – На нем можно

отвезти его в Скотленд-Ярд. А теперь, джентльмены, – продолжил он с любезной улыбкой, – когда наша маленькая тайна разгадана, можете задавать мне любые вопросы, не опасаясь, что я откажусь ответить на них.

Часть вторая

Страна святых

1. На Великой Соляной равнине

В центральной части огромного Североамериканского континента лежит мрачная бесплодная пустыня, издавна служившая непреодолимой преградой на пути цивилизации. От Сьерра-Невады до Небраски и от Йеллоустоун-Ривер на севере до реки Колорадо на юге раскинулась эта страна пустоты и безмолвия. Однако и на просторах этой унылой земли природа демонстрирует свое разнообразие. Здесь встречаются неприступные горы с покрытыми снегом вершинами и угрюмые темные долины; бурные реки стремятся через каньоны, стиснутые отвесными островерхими скалами, расстилаются необозримые равнины, зимой одетые снежным покровом, а летом сплошь серые от солончакового налета. Но все эти пейзажи несут на себе печать бесплодия, суровости и безысходности.

Никто не живет на этой безнадежной земле. Лишь поуни²⁶ или черноногие²⁷ время от времени небольшими группами

²⁶ Поуни – индейское племя, жившее между рекой Миссури и Скалистыми горами.

²⁷ Черноногие – индейское племя, обитавшее в долине реки Саскачеван.

пересекают ее в поисках новых охотничьих угодий, однако даже самые выносливые и бесстрашные из них стремятся поскорее оставить эти внушающие страх места позади и снова оказаться в своих обжитых прериях. В зарослях чахлах кустарников здесь рыщут койоты, канюк время от времени прорезает воздух, тяжело хлопая крыльями, и неуклюжий гризли бродит по темным оврагам, стараясь найти хоть какое-то пропитание среди безжалостных камней. Вот и все население этой дикой, Богом забытой глуши.

Нет в целом мире вида более безотрадного, чем тот, что открывается с северных склонов Сьерра-Бланки. Сколько видит глаз, простирается необозримая плоская равнина, покрытая лишайными пятнами солончаков, перемежающимися лишь кучами низкорослых хилых чапарелей. Вдоль кромки горизонта на фоне неба вырисовывается рваная, зазубренная линия горных вершин в снежных шапках. И на всех этих огромных пространствах – ни единого признака жизни, нет даже следов, которые свидетельствовали бы о том, что некогда она здесь существовала. Ни одной птицы в голубовато-стальном небе, ни малейшего движения на поверхности унылой серой почвы, и надо всем этим – мертвая, гнетущая тишина.

Впрочем, то, что здесь нет следов жизни, не совсем верно. Глядя со склонов Сьерра-Бланки, можно увидеть пересекающую пустыню дорогу, которая, извиваясь, теряется где-то вдаль. Она исполосована колесами и истоптана ногами

множества искателей приключений. Там и сям на тусклой поверхности солончака виднеются какие-то белые обломки, поблескивающие на солнце. Подойдите поближе и взгляните в них! Это кости: одни крупные, шероховатые, другие – помельче, более гладкие. Первые некогда принадлежали волам, вторые – людям. На полторы тысячи миль протянулся этот призрачный караванный путь, усыпанный останками тех, кто нашел свою погибель на его обочине.

Четвертого мая тысяча восемьсот сорок седьмого года на склоне горы стоял одинокий странник, обзревая этот печальный ландшафт. Судя по внешности, его можно было принять либо за гения, либо за демона здешних мест. Определить его возраст на вид не представлялось возможным: что-то между сорока и шестьюдесятью. Худое изможденное лицо, пергаментно-коричневая кожа, туго обтягивающая выпирающие скулы; длинные каштановые волосы и борода, густо припорошенные сединой; запавшие, лихорадочно горящие глаза. Рука, не более мускулистая, чем у скелета, сжимала ружье. Человек опирался на него, чтобы не упасть от слабости, однако высокий рост и массивный костяк наводили на мысль, что в прошлом это был жилистый и сильный мужчина. Теперь же заострившееся изнуренное лицо и одежда, мешком висевшая на его исхудалых плечах, придавали ему вид немощного, дряхлого старика и безоговорочно свидетельствовали о том, что этот человек умирает – умирает от голода и жажды.

С трудом преодолевая слабость, он пересек лощину и вскарабкался по склону горы в тщетной надежде увидеть с возвышения где-нибудь источник воды. Но перед его взором расстились лишь огромная соляная равнина да цепь диких гор вдаль, и нигде ни деревца, ни куста, которые указывали бы на то, что поблизости есть влага. Ни малейшего лучика надежды не давал этот обширный пейзаж. Диким ищущим взором мужчина посмотрел на север, на восток, на запад и понял, что странствию его наступает конец и здесь, на этом голом утесе, ему предстоит встретить смерть. «Не все ли равно: здесь ли или через двадцать лет на пуховой перине», – пробормотал он, собираясь присесть в тени нависающей скалы.

Но прежде чем сесть, мужчина положил на землю уже ненужное ружье и большой узел, связанный из серой шали. Он нес его всю дорогу, перекинув через правое плечо. Видимо, для обессиленного путника ноша стала слишком тяжела, потому что, опуская узел, он не удержал его, и тот ударился о землю. Изнутри серой шали тут же послышался жалобный голосок и показались маленькое испуганное личико с ярко блестящими карими глазами и два пухленьких грязных кулечка.

– Ты сделал мне больно! – послышался детский голосок.

– Я не хотел, прости, – виновато сказал мужчина, развязывая узел и извлекая из него прелестную девчушку лет пяти в изящных туфельках и красивом розовом платьице с

полотняным фартучком, явно сшитыми руками заботливой матери. Девочка была бледной и осунувшейся, но крепенькие ножки и ручки свидетельствовали о том, что на ее долю не выпало столько тягот, сколько на долю ее спутника. – Все еще болит? – озабоченно спросил мужчина, видя, что ребенок трет затылок, покрытый взъерошенными золотистыми локонами.

– Поцелуй – и все пройдет, – очень серьезно попросила девочка, подставляя ему ушибленное место. – Мама всегда так делала. А где мама?

– Мама нет. Но скоро, думаю, ты увидишься с ней.

– Нет? Как это? – удивилось дитя. – Она же не попрощалась со мной; даже когда мама уходит к тете пить чай, она всегда говорит мне «до свидания», а теперь ее нет уже три дня. Ой, как хочется пить! У тебя нет воды? И чего-нибудь поесть?

– Нет, милая, ничего нет. Потерпи немного, скоро все будет хорошо. Положи головку мне на колени, тебе станет легче. Мне трудно говорить, губы пересохли, но лучше тебе знать правду. А что это у тебя такое?

– Это такие хорошенькие штучки! Видишь, какие они красивые? – радостно воскликнула девочка, протягивая мужчине два кусочка сверкающей слюды. – Когда мы вернемся домой, я подарю их братцу Бобу.

– Скоро ты увидишь куда более красивые вещи, – заверил ее мужчина. – Только подожди чуток. Я вот что хотел тебе

сказать... Ты помнишь, как мы ушли с реки?

– Да, помню.

– Видишь ли, мы надеялись, что скоро придем к другой. Но что-то случилось – то ли компас сломался, то ли карта была неправильная, то ли еще что, но к другой реке мы так и не вышли. Вода у нас кончилась. Осталось лишь несколько капель для таких малышей, как ты, и... и...

– И тебе нечем было умыться, – подхватила девчушка, укоризненно глядя на его перепачканное лицо.

– Да, ни умыться, ни попить. И тогда мистер Бендер²⁸ умер первым, за ним индеец Пит, потом миссис Макгрегор, потом Джонни Хоунс, а потом, милая, твоя мама.

– Так мама тоже умерла? – вскрикнула девочка и, закрывшись фартучком, горько заплакала.

– Да, все умерли, кроме нас с тобой. Мне показалось, что в этой стороне может быть вода, поэтому я взвалил тебя на плечо и понес. Но, похоже, и тут ее нет. Так что, видать, надеяться нам особо не на что.

– Значит, мы тоже умрем? – спросило дитя, успокаиваясь и поднимая заплаканное личико.

– Боюсь, к тому идет.

– Почему же ты сразу не сказал? – весело рассмеялась девчушка. – Ты меня так напугал. Раз мы тоже умрем, значит, снова увидим маму.

²⁸ Эту фамилию носило семейство, отдельные члены которого считались каннибалами, орудовавшими в этой местности.

– Да, милая, скоро ты увидишь ее.

– Ты тоже. И я расскажу ей, какой ты был добрый. Вот увидишь, она встретит нас на небесах с большим кувшином воды и целой кучей гречишных лепешек, горячих и намазанных маслом с обеих сторон, как любим мы с Бобом. Сколько нам еще ждать?

– Не знаю. Не очень долго. – Глаза мужчины были прикованы к северной части горизонта. Там, на фоне неба, появились три маленькие точки, которые с каждой секундой увеличивались, стремительно приближаясь, и наконец превратились в трех огромных птиц. Сделав несколько кругов над головами путников, они уселись на утесе напротив, чуть повыше. Это были грифы, стервятники Запада, безошибочно чующие смерть и слетающиеся на добычу.

– Петушки и курочки, – обрадовалась девочка, показывая пальчиком на зловещих птиц, и захлопала в ладоши, чтобы заставить их взлететь. – Скажи, а эту землю тоже создал Господь?

– Конечно. Он создал все, – ответил мужчина, крайне удивленный столь неожиданным вопросом.

– Нет, Он создал Иллинойс, Он создал Миссури, – продолжала девочка, – а эту землю создал, наверное, кто-то другой. Потому что она не такая хорошая: он забыл про воду и деревья.

– Может, помолишься? – неуверенно предложил мужчина.

– Так еще же не пора спать, – удивилась девочка.

– Не важно. Еще действительно рановато для вечерней молитвы, но Он не будет в претензии, поверь мне. Прочти те молитвы, что всегда читала на ночь там, в повозке, когда мы ехали по прериям.

– А ты? Ты разве не будешь читать молитву? – Девочка удивленно подняла бровки.

– Да я уж все их позабыл, – признался мужчина. – Последний раз молился, когда был ростом с половину этого ружья. Впрочем, никогда не поздно попробовать еще раз. Ты молись вслух, а я встану рядом и буду повторять за тобой.

– Тогда тебе нужно опуститься на колени, и мне тоже, – сказала малышка, расстилая шаль. – Теперь сложи руки вот так, и тебе станет хорошо.

Странное это было зрелище, если бы его наблюдал кто-нибудь, кроме грифов: на расстеленной узкой шали рядом стояли на коленях двое путников – лепечущий ребенок и бесстрашный, закаленный жизнью авантюрист. Их лица, круглое детское и изможденное мужское, были обращены к безоблачному небу в горячей мольбе, возносимой тому суровому Существо, с которым ребенок и мужчина остались теперь один на один, и их голоса – один тоненький и чистый, другой низкий и хриплый – сливались, взывая о милосердии и прощении. Окончив молитву, они снова уселись в тени скалы и сидели так, пока ребенок не уснул, прильнув к широкой груди своего заступника. Тот некоторое время оберегал

невинный покой ребенка, но постепенно усталость одолела и его: ведь три дня и три ночи он не позволял себе ни сна, ни отдыха. Отяжелевшие веки мужчины медленно опускались на усталые глаза, голова клонилась все ниже и ниже на грудь, и наконец седеющая борода переплелась с золотистыми кудряшками его маленькой спутницы – оба забылись глубоким сном без сновидений.

Если бы странник пободрился еще с полчаса, перед его взором предстало бы странное зрелище. Далеко-далеко, на самом краю соляной равнины, поднялось крохотное облачко пыли, поначалу такое призрачное, что его трудно было различить на фоне марева, висевшего над горизонтом, но мало-помалу оно становилось выше и шире, пока не превратилось в плотную, отчетливо видную тучу. Эта туча продолжала увеличиваться в размерах, и в какой-то момент стало очевидно, что столько пыли могло поднять только огромное скопление движущихся вместе живых существ. Находясь наблюдатель в более плодородной местности, он подумал бы, что навстречу ему несется крупное стадо бизонов, из тех, что пасутся в прериях. Но в такой дикой безводной пустыне это было совершенно немыслимо. По мере того как пыльный вихрь приближался к одинокой скале, под которой укрылись два неприкаянных путника, сквозь густую завесу начали вырисовываться верхушки полотняных тентов, натянутых над повозками, и фигуры вооруженных всадников, а еще через какое-то время картина обозначилась полностью: это был на-

правлявшийся на запад караван. Но какой! Когда головная его часть достигла подножия горы, хвост все еще терялся за горизонтом. Вереница с трудом продвигавшихся вперед телег и крытых повозок, мужчин, пеших и верховых, бесчисленных женщин, которые брели, сгибаясь под тяжестью своей ноши, и детей, либо ковылявших рядом с повозками, либо выглядывавших из-за пологих добела выгоревших на солнце парусиновых тентов, растянулась вдоль всей огромной равнины. Похоже, это была не обычная группа переселенцев, а единое племя кочевников, вынужденное под давлением обстоятельств искать новое пристанище. Воздух наполнился какофонией лязгающих и грохочущих звуков, объединивших гул голосов огромной людской массы, скрежет колес и ржание лошадей. Но даже эти громкие звуки не разбудили двух утомленных путников, прикорнувших на склоне горы под нависающей скалой.

Колонну возглавляли десятка два или больше вооруженных винтовками суровых всадников с каменными лицами, в строгой темной домотканой одежде. Поравнявшись со скалой, они остановились и устроили между собой короткий военный совет.

– Родники должны находиться справа, братья, – сказал один из них, гладко выбритый мужчина с упрямой линией губ и заметной проседью в волосах.

– Справа от Сьерра-Бланки – стало быть, мы на пути к

Рио-Гранде²⁹, – отозвался другой.

– Не бойтесь, без воды мы не останемся! – воскликнул третий. – Тот, кто мог высечь ее из камня, не покинет Свой избранный народ и теперь.

– Аминь! Аминь! – подхватили остальные.

Они собирались уже снова двинуться в путь, как вдруг один из самых молодых и зорких вскрикнул и указал на острую скалу, возвышавшуюся над дорогой. Зацепившись за край, на ней трепетал маленький розовый лоскуток, резко контрастировавший с унылым серым камнем. При виде этого яркого пятна мужчины придержали лошадей и вскинули винтовки; на подмогу авангарду из задних рядов тут же поспешили другие всадники. По колонне тревожно пробежало слово «краснокожие».

– Тут не может быть много индейцев, – сказал пожилой мужчина – судя по всему, военачальник. – Территорию по-уни мы уже миновали, а других племен по эту сторону горного хребта нет.

– Позвольте мне пойти посмотреть, что там, брат Стэнджерсон? – попросил один из всадников.

– И мне, и мне, – раздалась еще дюжина голосов.

– Оставьте лошадей здесь, мы будем ждать вас, – распорядился старейшина. Молодые всадники вмиг спешили, привязали лошадей и стали взбираться по крутому склону к то-

²⁹ Река, берущая начало в Скалистых горах и впадающая в Мексиканский залив.

му месту, где трепетал лоскут, привлечший их настороженное внимание. Они карабкались ловко и бесшумно, с уверенностью и проворством бывалых лазутчиков. Оставшиеся внизу наблюдали, как легко они перепрыгивают с уступа на уступ, пока их силуэты не обозначились на фоне неба. Первым до места добрался молодой человек, поднявший тревогу. И вдруг те, что шли позади, увидели, как он всплеснул руками от удивления. Поравнявшись с ним, они и сами изумились открывшемуся их взорам зрелищу.

На небольшой ровной площадке, под скалистым уступом, лежал высокий, неправдоподобно тощий мужчина в вельветиновой куртке, с резкими чертами лица и длинной бородой. Его безмятежный вид и ровное глубокое дыхание свидетельствовали о том, что он крепко спит. А рядом, обхватив его жилистую коричневую шею белыми ручками, лежала маленькая девочка; ее златокудрая головка покоилась на его груди. Розовые губки ребенка чуть приоткрылись, обнажая ровный ряд белоснежных зубов, младенческие черты озаряла счастливая улыбка. Пухлые белые ножки в белых носочках и изящных туфельках с блестящими пряжками являли удивительный контраст с длинными исхудалыми конечностями ее спутника. На выступе скалы над этой странной парой неподвижно-торжественно восседали три грифа. Недовольные появлением людей, они с резким пронзительным клекотом нехотя поднялись в воздух и, хлопая крыльями, улетели.

Крики мерзких птиц разбудили спящих. Ничего не понимая спросонья, они в недоумении озирались по сторонам. Потом мужчина с трудом встал и бросил взгляд вниз, на равнину, такую пустынную перед тем, как сон сморил его. Теперь от края до края ее пересекала огромная колонна людей и животных. Словно бы не веря самому себе, он протер глаза костлявой ладонью.

– Значит, вот оно какое, предсмертное видение, – пробормотал он. Девочка стояла, ухватившись за полу его куртки, но в ее взгляде читалось лишь безмерное детское любопытство.

Неожиданно объявившиеся спасатели быстро убедили путников в том, что они – не видение. Один из мужчин посадил девчущку себе на закорки, двое других взяли под руки ее немощного спутника, и все вместе они начали спускаться вниз.

– Меня зовут Джон Феррье, – представился путник. – Я да еще вот эта малышка – все, что осталось от группы, куда входил двадцать один человек. Остальные умерли от жажды и голода еще там, на юге.

– Это ваша дочь? – поинтересовался кто-то.

– Теперь, выходит, моя, – с вызовом ответил странник. – Моя, потому что я спас ее. И никто ее у меня не отнимет! Отныне она – Люси Феррье. А вы кто? – спросил он, с любопытством оглядывая своих опаленных солнцем дюжих спасителей. – У вас, похоже, неслабая команда.

– Да, тысяч десять наберется, – сказал один из молодых людей. – Мы – гонимые чада Божии, избранный народ ангела Мероны³⁰.

– Никогда о таком не слыхал, – признался путник. – Многовато же у него избранников, как я погляжу.

– Не смей богохульствовать! Это для нас свято, – строго прикрикнул один из тех, кто поддерживал Джона под руку. – Мы – народ, который верит в священные заповеди, начертанные египетскими иероглифами на кованных золотых дощечках. Они были вручены святому Джозефу Смиту в Пальмире. До сих пор мы жили в Нову³¹ – это штат Иллинойс, там мы возвели свой храм. А теперь ищем убежища и спасения от жестокого тирана и безбожников, пусть даже такое место найдется лишь в самом сердце пустыни.

Название «Нову», видимо, вызвало у Джона Феррье смутное воспоминание, потому что он сказал:

– А, понимаю. Вы – мормоны.

– Да, мы мормоны, – ответили его новые знакомцы.

– И куда же вы идете?

– Мы не знаем. Рука Господа направляет нашего Пророка, а он ведет нас. Скоро вы предстанете перед ним, и он решит, что с вами делать.

³⁰ Вероятно, имеется в виду Морони, то есть Энджел Морони, сын Мормона, который явился Джозефу Смиту в видении, ниспосланном ему в Пальмире, штат Нью-Йорк, в 1823 году.

³¹ Некогда маленькое поселение-фактория в штате Иллинойс, на восточном берегу Миссисипи; в 1839 году превратилось в город мормонов Нову.

К тому времени они достигли подножия горы. Их сразу же окружила толпа пилигримов – бледнолицых робких женщин, смеющихся ребятишек и настороженных, строгих мужчин. При виде младенческого возраста девочки и плачевного физического состояния мужчины отовсюду послышались возгласы удивления и сочувствия. Сопровождавшие необычную пару молодые люди, однако, не остановились. Окруженные теперь толпой мормонов, они проследовали к повозке, которая выделялась среди остальных своими большими размерами, а также нарядностью убранства. Она была запряжена шестеркой лошадей, между тем как в других упряжках было по две, от силы по четыре лошади. Кроме возницы, на козлах сидел большеголовый мужчина лет тридцати. По властному выражению лица в нем нетрудно было угадать верховного вождя. Мужчина читал книгу в коричневом переплете, но, когда толпа приблизилась, отложил ее и внимательно выслушал рассказ о необычном происшествии, после чего, повернувшись к только что найденным путникам, сурово произнес:

– Мы возьмем вас с собой только при одном условии: вы должны принять нашу веру. Волков в своем стаде мы не потеряем. Пусть лучше кости ваши останутся лежать в этой пустыне, чем в плоде заведется червоточина, которая со временем сгубит его. Согласны ли вы на такое условие?

– Какие могут быть вопросы! Я готов на любые условия! – воскликнул Феррье с таким энтузиазмом, что даже суровые

старейшины не сдержали улыбки. Один лишь вождь сохранил на лице впечатляющую строгость.

– Брат Стэнджерсон, – сказал он, – возьми мужчину и ребенка к себе, накорми их и напои. Также вмению тебе в обязанность приобщить его к нашему символу веры. А теперь вперед! Мы и так потеряли слишком много времени. Вперед, в Сион³²!

– В Сион! В Сион! – закричали мормоны. Этот клич, передаваясь из уст в уста, волной пробежал по всему каравану и, затухая, отозвался в дальнем его конце нечленораздельным рокотом. Под щелканье бичей и скрип колес головные повозки тронулись с места, и вскоре уже весь караван снова пришел в движение. Старейшина, попечению которого были вверены две приблудившиеся овцы, отвел их в свою повозку, где уже ждала трапеза.

– Вы поедете с нами, – сказал он, – и через несколько дней оправитесь от истощения. А пока запомните: отныне и навечно вы – наши единоверцы. Так повелел Бригам Янг³³, а его устами глаголет сам Джозеф Смит, который и есть Глас Божий.

³² В 1831 году колония обосновалась в округе Джексон, штат Миссури, позднее названном колонистами Сионом.

³³ После убийства Смита Бригам Янг стал ведущей фигурой мормонизма и возглавил великое переселение мормонов в 1846–1847 годах к месту, известному теперь как Солт-Лейк-Сити.

2. Цветок Юты

Не будем описывать все те испытания и лишения, которые претерпели беглецы-мормоны, прежде чем обрели свое окончательное пристанище. С упорством, пожалуй, беспримерным в истории, они преодолели свой тяжкий путь от берегов Миссисипи до западных отрогов Скалистых гор. Дикари, хищники, голод, жажда, усталость и болезни – все преграды, какие воздвигала природа на их пути, – они превозмогли со стойкостью, приличествующей англосаксам. Тем не менее долгое путешествие и перенесенные ужасы заставили дрогнуть сердца даже самых непоколебимых. Поэтому, когда с высоты перевала им открылась наконец купающаяся в солнечных лучах долина Юты и от своих пастырей они услышали, что это и есть их земля обетованная и что просторы этой девственной нивы будут навек принадлежать им, не нашлось ни одного человека, который не упал бы на колени и не вознес бы небесам благодарственную молитву.

Янг показал себя таким же умелым организатором, каким решительным вожаком был для них во время странствия. Немедленно составили топографические карты и чертежи будущего города. Окружающие земли отвели под фермы и распределили между главами семейств в соответствии с положением каждого. Торговцы занялись торговлей, ремесленники – своими ремеслами. Улицы и площади города росли,

словно по мановению волшебной палочки. В сельской местности осушали болота, сажали кустарниковые изгороди, очищали землю от сорняков, засевали поля, и уже на следующее лето вся долина зазолотилась спелой пшеницей. Все росло и процветало в этом необычном поселении. И быстрее всего в самом центре города возносился ввысь огромный собор, который день ото дня становился все выше и мощней. С ранней зари до поздних сумерек не затихали стук молотков и визг пил на площади, где беженцы воздвигали свой храм Тому, кто благополучно провел их сквозь все опасности.

Чудом выжившие скитальцы, Джон Феррье и малышка, которая поделила его судьбу, став его приемной дочерью, до конца прошли вместе с мормонами трудный путь их паломничества. Маленькая Люси Феррье прекрасно прижилась в уютной повозке старейшины Стэнджерсона, которую делила с тремя его женами и сыном, своенравным, весьма наглым двенадцатилетним юнцом. Со свойственной детству счастливой способностью легко применяться к обстоятельствам, Люси скоро смирилась со своей утратой, стала любимицей женщин и свыклась с новой жизнью в передвижном доме под парусиновой крышей. Тем временем Феррье тоже окреп и зарекомендовал себя как опытный проводник и неутомимый охотник. Он так быстро завоевал признание своих новых спутников, что, когда странствие подошло к концу, все единодушно решили выделить ему такой же большой и плодородный участок земли, как и другим поселенцам. Это, ра-

зумеется, не относилось к самому Янгу, а также Стэнджерсону, Кембаллу, Джонстону и Дребберу – четверке главных старейшин. Эти находились на особом положении.

На обретенной таким образом ферме Джон Феррье построил крепкий бревенчатый дом. В последующие годы он сделал к нему столько разнообразных пристроек, что тот постепенно превратился в просторный загородный особняк. Феррье был человеком практического ума и деловой хватки, к тому же – мастер на все руки. А завидное здоровье позволяло ему трудиться от зари до зари, возделывая свою землю и обихаживая свои владения. Благодаря этому его хозяйство неуклонно процветало. Три года спустя Феррье обскакал своих соседей, через шесть лет стал вполне состоятельным человеком, через девять – по-настоящему разбогател, а через двенадцать в Солт-Лейк-Сити не набралось бы и полдюжины хозяев, которые сравнились бы с ним. От Великого внутреннего моря³⁴ до далеких гор Уотсач не было человека более известного, чем Джон Феррье.

Существовало, впрочем, одно – только одно – обстоятельство, оскорблявшее чувства его единоверцев. Никакие доводы и убеждения не заставили Феррье устроить семью по правилам, принятым в его тогдашнем окружении. Он никогда не объяснял причин своего отказа, но решительно и непреклонно стоял на своем. Одни обвиняли его в отсутствии религиозного рвения, другие подозревали в скаредности и нежела-

³⁴ Великое соленое озеро, или озеро Солтон-Си («соляное море»).

нии вводить себя в дополнительные расходы. Третьи объясняли его несговорчивость старой любовью: дескать, где-то там, на берегу Атлантического океана, сохнет по нему белокурая красавица. Но какова бы ни была истинная причина, Феррье непоколебимо оставался холостяком. Во всех иных отношениях он жил в соответствии с требованиями религии молодого поселения и заслужил репутацию человека правоверного и искреннего.

Люси Феррье безмятежно росла на ферме своего приемного отца и помогала ему во всех его начинаниях. Чистый горный воздух и целебный сосновый аромат заменяли девочке заботы матери и няньки. Год от года она становилась выше и сильнее, румянец на ее щеках розовел все нежней, а походка делалась все более грациозной. Многие путешественники, проезжавшие по дороге мимо фермы Феррье, испытывали давно забытые чувства, глядя, как гибкая девичья фигурка мелькает меж золотистых колосьев пшеницы или поднимается в горы на отцовском мустанге с легкостью и изяществом истинной дочери Запада. Бутон превратился в прелестный цветок, и в тот год, когда отец Люси стал богатейшим из местных фермеров, его дочь уже слыла непревзойденным образцом девичьей красоты, какой только можно сыскать на всем тихоокеанском побережье.

Однако отнюдь не отец первым осознал, что дочь его превратилась в юную женщину. Отцы вообще редко замечают этот переломный момент. Волшебное превращение проис-

ходит так неуловимо, что его нельзя сколько-нибудь точно зафиксировать. А еще меньше осознает его сама девушка – до тех пор, пока интонация голоса или нежное прикосновение руки не заставит ее сердце затрепетать; только тогда, со смешанным чувством гордости и страха, она начинает понимать, что природа пробудила в ней нечто новое и великое. Едва ли найдется женщина, которая не помнит того дня, когда незначительное на первый взгляд событие возвестило зарю ее новой жизни. Для Люси Феррье такое событие оказалось небезопасным само по себе, независимо от того, какое влияние оно оказало на ее судьбу и судьбы многих связанных с ней людей.

Стояло теплое июньское утро. Святые последнего дня³⁵ трудились как пчелы, недаром именно изображение пчелиного роя они избрали своей эмблемой и символом. Много-сложный гул человеческой деятельности стоял над полями и над городом. По пыльным дорогам тянулись длинные вереницы тяжело навьюченных мулов. Все они направлялись на Запад, ибо в Калифорнии началась «золотая лихорадка», а сухопутная дорога туда пролегла как раз через Город избранных. Дорогу заплотняла также стада овец и волов, гонимых с дальних пастбищ, и обозы усталых переселенцев: и люди, и лошади были одинаково измотаны, казалось, нескончаемым переходом. Сквозь все это разношерстное скопище, маневрируя с искусством опытного наездни-

³⁵ Так называют себя мормоны.

ка, ловко пробиралась Люси Феррье; щеки ее покраснелись от лихого галопа, каштановые волосы развевались на скаку. Отец послал Люси в город по делу, и она неслась вперед с отчаянным безрассудством юности, как обычно, думая лишь о том, чтобы скорее и лучше выполнить отцовское поручение. Покрытые дорожной пылью искатели приключений глядели на нее в изумлении, даже невозмутимые индейцы, везущие шкурки на продажу, словно лишились стоицизма и откровенно любовались красотой бледнолицей девушки.

На ближних подступах к городу Люси увидела, что дорога перекрыта огромным стадом; с полдюжины осатаневших пастухов, гнавших его из прерий, никак не могли с ним справиться. Не желая ждать, Люси решила проехать сквозь стадо и рискнула направить мустанга в просвет, как будто открывшийся между расступившимися животными. Но не успела Люси проскочить, как стадо сомкнулось у нее за спиной, и ее плотно зажал движущийся поток быков, бешено мотающих длиннорогими головами и дико косящих налитыми кровью глазами. Умеющая управляться со скотом, девушка не испугалась, а стала рывками продвигаться вперед, используя каждый зазор, образовавшийся между животными. К несчастью, то ли случайно, то ли намеренно какой-то бык боднул мустанга в бок, отчего тот озверел, встал на дыбы, дико захрапел и начал скакать и брыкаться так, что удержаться в седле мог только очень искусный наездник. Ситуация становилась угрожающей. Каждый раз, опуская передние ноги на землю,

взбесившийся мустанг натыкался на рога, что приводило его в еще большее неистовство. Девушке оставалось только из последних сил держаться в седле, ибо, упавши она на землю, ее ждала бы страшная смерть под копытами разъяренных животных. У непривычной к таким передрыгам Люси закружилась голова, рука, державшая поводья, неуклонно слабела. Она задыхалась от поднятой пыли и резкого запаха разгоряченных животных и, охваченная отчаянием, была уже близка к тому, чтобы оставить попытки спастись, но тут рядом раздался любезный голос, предложивший ей помощь. Одновременно с этим сильная загорелая рука схватила обезумевшего мустанга под уздцы, и неожиданный спаситель, пробившись сквозь стадо, вскоре вывел незадачливую наездницу на окраину города.

– Надеюсь, мисс, вы не пострадали? – почтительно спросил он.

Люси взглянула в его смуглое волевое лицо и беззаботно рассмеялась.

– Я порядком перетрусилась, – простодушно призналась она. – Кто бы мог подумать, что Пончо так испугается стада быков.

– Слава Богу, что вы удержались в седле, – серьезно сказал ее избавитель. Это был высокий молодой человек, типичный вольный сын прерий, в грубом охотничьем костюме, с длинным ружьем за спиной. Он восседал на мощном чалом коне. – Вы ведь дочь Джона Феррье, если не ошибаюсь? Я ви-

дел, как вы выехали из ворот его усадьбы. Когда вернетесь домой, спросите отца, помнит ли он семейство Джефферсона Хоупа из Сент-Луиса. Если он тот самый Феррье, то они с моим отцом были большими друзьями.

– Не лучше ли вам самому прийти и спросить его? – игриво ответила Люси.

Молодой человек, похоже, обрадовался приглашению, его глаза заблестели.

– Так я и сделаю, – сказал он. – Только мы два месяца провели в горах, вид у нас не слишком подходящий для визитов. Надеюсь, ваш отец примет нас такими, какие мы есть?

– Он теперь так обязан вам за мое спасение, что будет безмерно рад выразить свою благодарность, как бы вы ни выглядели. Он очень меня любит. Если бы эти быки растоптали меня, он был бы безутешен.

– Я тоже, – сказал ее новый знакомец.

– Вы?! Вам-то какая печаль? Вы ведь даже не наш друг.

При этих словах смуглое лицо охотника так омрачилось, что Люси Феррье не удержалась от смеха.

– Простите, я неловко выразилась, – успокоила она молодого человека. – Разумеется, отныне вы – наш друг. И должны непременно нас навестить. А теперь я должна спешить, иначе отец никогда больше не поручит мне ничего. До свидания!

– До свидания, – ответил он и, сняв свое широкополое сомбреро, склонился к протянутой ему изящной ручке. Лю-

си развернула своего мустанга, щелкнула хлыстом и помчалась по широкой дороге, вздымая за собой облако пыли.

А молодой Джефферсон Хоуп, присоединившись к своим спутникам, поехал дальше, молчаливый и задумчивый. Они долго искали серебро в горах Невады и теперь возвращались в Солт-Лейк-Сити в надежде собрать денег, чтобы начать разработку открытых месторождений. Этой идеей он был увлечен не меньше своих товарищей, но только что описанный эпизод повернул его мысли совсем в иное русло. Встреча с юной девушкой, лишенной и намека на жеманство, чистой и свежей, как горный ветерок, пробудила вулкан, дремавший в глубине души Хоупа. Когда она скрылась из виду, он понял, что в его жизни наступил решительный перелом и никакая торговля серебром, да и вообще ничто отныне не имеет для него такого значения, как вспыхнувшее в нем всепоглощающее чувство. Любовь, загоревшаяся в сердце Хоупа, отнюдь не походила на мимолетное мальчишеское увлечение, это была неистовая, пламенная страсть взрослого мужчины с властным и волевым характером, привыкшего всегда добиваться того, чего он хочет. И Хоуп поклялся себе, что и теперь ни за что не отступит и добьется своего, если только это в пределах человеческих сил и возможностей.

Он навестил Джона Феррье в тот же вечер и потом приходил часто, пока не стал в доме своим человеком. Джон, погруженный в свои повседневные труды, последние двенадцать лет был отрезан от мира и очень мало знал о том, что

происходит за пределами долины. Джефферсон Хоуп многое порассказал Феррье, причем так увлекательно, что это было интересно не только ему, но и Люси. Один из пионеров в Калифорнии, Хоуп знал удивительные истории о том, как создавались и рушились состояния в те безумные «золотые» времена. Был он и старателем, и охотником, ставящим капканы, и добытчиком серебра, и ковбоем. Едва откуда-нибудь веяло духом приключений, Джефферсон Хоуп тут же устремлялся им навстречу. Скоро старик фермер уже души в нем не чаял и не уставал восхвалять его достоинства. Люси слушала расточаемые Хоупу похвалы молча, но румянец, разгоравшийся на ее щеках, и счастливое сияние глаз свидетельствовали о том, что юное сердце Люси уже принадлежит не ей. Простодушному отцу, возможно, было невдомек, что означают эти признаки, зато мужчина, завоевавший ее привязанность, прекрасно все понимал.

Как-то летним вечером, галопом проскакав по дороге, он подъехал к их воротам. Завидев его, Люси поспешила ему навстречу. Накинув поводья на столбик ворот, Джефферсон Хоуп пошел по дорожке, ведущей к дому.

– Люси, я уезжаю. – Он сжал в руках ее ладони и нежно заглянул ей в глаза. – Я не прошу вас уехать со мной сейчас, но последуете ли вы за мной, когда я вернусь?

– А когда это будет? – спросила она, вспыхнув.

– Месяца через два, не позже. Тогда, дорогая, я приду за вами. И никто не сможет нам помешать.

– А как же отец?

– Он согласится, если дела на рудниках пойдут хорошо. А в этом у меня нет сомнений.

– Ах так! Ну что ж, если отец не возражает, мне нечего добавить, – прошептала Люси, прижавшись щекой к его широкой груди.

– Слава тебе, Господи! – осипшим от волнения голосом сказал Хоуп и, склонившись, поцеловал ее. – Тогда решено. Чем дольше я здесь простою, тем труднее мне будет уйти. Друзья ждут меня в каньоне. До свидания, любимая моя, до скорого свидания – через два месяца.

Он с трудом оторвался от Люси, вскочил на коня и бешеным галопом помчался прочь, ни разу не оглянувшись, – словно боялся, что решимость покинет его, стоит ему еще раз увидеть ту, которую он покидал. Люси же стояла в воротах и смотрела вслед Хоупу, пока он не скрылся из виду. Потом вернулась в дом счастливейшей из всех девушек Юты.

3. Джон Феррье говорит с Пророком

Прошло три недели с того дня, как Джефферсон Хоуп с товарищами отбыл из Солт-Лейк-Сити. Сердце Феррье наполнялось печалью, когда он думал о возвращении молодого человека, потому что оно означало расставание с приемной дочерью. Однако сияющее счастьем лицо девушки лучше любых аргументов примиряло его с неизбежностью. В

глубине души этот человек с твердым характером раз и навсегда решил, что никакая сила не заставит его выдать дочь замуж за мормона. Мормонский брак Феррье вообще считал не браком, а позором и бесчестьем. Как бы ни относился Феррье к мормонским доктринам в целом, в этом пункте он оставался непреклонен, хотя никогда не высказывался на подобные темы, ибо в те времена в Стране святых выражать неортодоксальные мнения было делом опасным.

Да, весьма опасным – настолько опасным, что даже наиболее ревностные мормоны если и обсуждали религиозные проблемы, то лишь самым тихим шепотом, поскольку любое слово, сорвавшееся с уст, могло быть превратно истолковано и грозило навлечь немедленную и страшную кару. Ни севильской инквизиции, ни германскому Фемгерихту, ни тайным обществам Италии оказалось не под силу так раскрыть чудовищный маховик возмездия, как это сделали мормоны в штате Юта, погружавшемся с некоторых пор в атмосферу религиозной нетерпимости.

Тайна, окружавшая деятельность их призрачной карательной организации, делала ее вдвойне устрашающей. Эта организация казалась всеведущей и всемогущей, хотя оставалась невидимой и неслышимой. Человек, позволивший себе выступить против церкви, пропадал бесследно; никому никогда так и не удавалось узнать, куда он исчез и что с ним случилось. Жена и дети ждали его дома, но ни один муж и отец ни разу не вернулся и не поведал, что он пережил, находясь

во власти своих тайных судей. Неосторожно сказанное слово, опрометчивый поступок – и человек исчезал. Притом никто не ведал о природе этой ужасающей и могущественной силы, нависающей над всеми, словно дамоклов меч. Неудивительно, что люди постоянно дрожали от страха и даже в безлюдной пустыне, даже шепотом не высказывали сомнения, одолевавшие их.

Поначалу эта неуловимая чудовищная сила обрушивалась лишь на непокорных, на тех, кто, приняв догматы мормонства, впоследствии преступил их или пожелал отречься от них. Однако вскоре она шире раскинула свою сеть. По мере того как в общине все острее ощущался недостаток женщин брачного возраста (а без них принцип полигамии – пустой звук), поползли странные слухи об отдельных убитых переселенцах и даже полностью истребленных переселенческих лагерях, причем в тех местах, где сроду не видали индейцев. В гаремах же старейшин между тем появлялись новые женщины – женщины с не просыхающими от слез глазами и с выражением неизбывного страха на лице. Они чахли от тоски и горя. Припозднившиеся в горах путники рассказывали о вооруженных бандах людей в масках, бесшумно кравшихся мимо них в темноте. Эти рассказы и слухи, множество раз сопоставленные и подтвердившиеся, постепенно обретали плоть и форму, и наконец таинственная организация получила свое имя. По сей день для обитателей разрозненных

ранчо Запада названия «Союз данитов³⁶» или «Ангелы мщения» звучат зловеще, как дурное предзнаменование.

Тайна рассеивалась, но чем больше становилось известно об организации, чьи деяния имели столь страшные последствия, тем больший, а отнюдь не меньший ужас наводила она на людей. Никому не было ведомо, кто принадлежал к этому безжалостному сообществу. Имена участников кровавых бесчинств, вершившихся во имя религии, держались в строжайшем секрете. Лучший друг, с кем ты поделился своими сомнениями относительно Пророка и его миссии, мог оказаться одним из тех, кто той же ночью огнем и мечом взыщет с тебя чудовищную дань. Поэтому сосед боялся соседа и никто ни с кем не делился своими сокровенными мыслями.

Однажды утром, когда Джон Феррье уже собрался выехать в поле, он услышал лязг щеколды и, выглянув в окно, увидел коренастого мужчину средних лет с проседью в волосах; тот направлялся от калитки к дому. У Джона Феррье упало сердце: это был не кто иной, как сам великий Бригам Янг. Феррье, охваченный дурными предчувствиями, поскольку понимал, что подобный визит не сулит ничего хорошего, открыл дверь и на пороге приветствовал вождя мормонов. Тот, однако, ответил на его приветствия холодно и последовал за ним в гостиную с сурово-непроницаемым лицом.

³⁶ Даниты – от Дана, сына Иакова, родоначальника одного из колен Израилевых. Были изгнаны Джозефом Смитом.

– Брат Феррье, – сказал Бригам Янг, усаживаясь в кресло и пронзительно глядя на фермера из-под белесых ресниц, – все эти годы правоверные мормоны были тебе добрыми друзьями. Мы подобрали тебя и твою дочь, когда вы умирали от голода в пустыне, разделили с вами хлеб наш насущный, благополучно привели в Долину избранных и дали добрый надел земли. Под нашим покровительством ты разбогател, не так ли?

– Истинно так, – ответил Джон Феррье.

– Взамен мы поставили тебе одно-единственное условие: чтобы ты принял нашу праведную веру и соблюдал все ее ритуалы. Ты обещал, но, если то, что о тебе говорят, правда, нарушил обещание.

– Каким же образом я нарушил его? – возразил Феррье. – Разве я не вношу свою долю в общий котел? Разве не посещаю храм? Разве я...

– Где твои жены? – перебил его Янг, с нарочитым удивлением оглядываясь по сторонам. – Позови их, я хочу поздороваться с ними.

– Это правда, я не женат, – согласился Феррье. – Но в общине мало женщин и много мужчин, которым они нужны больше, чем мне. Я ведь не одинок: обо мне заботится дочь.

– Вот о дочери-то я и пришел поговорить, – сказал мормонский вождь. – Она уже взрослая, хороша собой – недаром ее называют Цветком Юты – и обратила на себя внимание многих мужчин, имеющих вес в общине. – Джон Феррье

мысленно застонал. – О ней ходят слухи, коим мне не хотелось бы верить, – будто она обручилась с каким-то Gentile³⁷. Надеюсь, это сплетни праздных языков. Помнишь, что гласит тринадцатая заповедь святого Джозефа Смита? «Всякая истинно верующая дочь да станет женой избранного; а ежели сочетается она браком с иноверцем, то совершит тем самым тяжкий грех». Не верю, что ты, человек, исповедующий наш святой символ веры, позволил своей дочери надругаться над ним. – Джон Феррье ничего не ответил, он лишь нервно постукивал хлыстом по голенищу сапога. – Вот это и станет оселком для испытания истинности твоей веры – так постановил Священный совет четырех, – продолжал между тем Янг. – Девушка молода, и мы не принудим ее выйти замуж за какого-нибудь седовласого старика; более того, мы даже не лишим ее права выбора. У нас, старейшин, много телиц, но и сыновьям нашим нужны жены. У Стэнджерсона есть сын, и у Дреббера есть сын, и каждый из них с радостью примет твою дочь в свой дом. Пусть она сама выберет одного из них. Оба они молоды и богаты, и оба – истинно верующие. Ну, что скажешь?

Сведя брови, Феррье помолчал некоторое время, потом произнес:

– Дайте нам время. Моя дочь слишком юная, ей еще рано замуж.

– У нее есть месяц на размышления, – отрезал Янг, вста-

³⁷ Так мормоны называли немормонов.

вая. – По окончании этого срока ей придется дать ответ. – Уже в дверях он повернул к хозяину свое побагровевшее лицо и, гневно сверкнув взглядом, прогремел: – Если ты, Джон Феррье, со своими ничтожными силенками попытаешься пойти против воли Священной четверки, то пожалеешь о том, что твои кости и кости твоей дочери не остались в горах Сьерра-Бланки.

Погрозив пальцем, Янг вышел за дверь и затопал по гравийной дорожке. В ушах Феррье долго еще отдавался звук его тяжелых шагов.

Феррье сидел, упершись локтем в колено, обхватив ладонью лоб и размышляя, как сообщить дочери о нависшей угрозе, когда ласковая рука легла ему на плечо. Подняв голову, он увидел, что Люси стоит рядом. Взглянув на ее бледное испуганное лицо, Феррье понял, что она все слышала.

– Я не виновата, – сказала Люси в ответ на его тревожный взгляд. – Голос Янга гремел на весь дом. Ах, отец, отец, что же нам теперь делать?

– Не бойся. – Феррье привлек дочь к себе и погладил широкой заглубившей ладонью ее мягкие каштановые волосы. – Как-нибудь выпутаемся. Ты ведь не охладела к этому парню, правда? – Девушка горестно всхлипнула и крепче сжала руку отца. – Нет, конечно же, нет, – удовлетворенно сказал Феррье. – Я бы очень огорчился, узнав, что это так. Он добрый малый и куда лучший христианин, чем здешние ханжи, сколько бы они ни молились и ни кликушествовали. Завтра

в Неваду отправляется очередная партия старателей, через них я дам знать Хоупу, в какой мы беде. Если я правильно понимаю этого парня, он примчится сюда с быстротой молнии.

Отцовская шутка рассмешила плачущую Люси.

– Он придет и скажет, что нам делать, – подхватила она. – Но я тревожусь за тебя, дорогой отец. Говорят... рассказывают страшные истории о тех, кто посмел противиться Пророку: с ними случается нечто ужасное.

– А мы и не противимся ему... пока, – ответил Феррье. – Вот когда воспротивимся, тогда и будем остерегаться. У нас впереди еще целый месяц, к концу этого срока, полагаю, мы будем уже далеко от Юты.

– Мы уедем из Юты?

– Скорее всего.

– А как же ферма?

– Постараемся выручить за нее сколько возможно, остальное придется бросить. По правде сказать, Люси, я не впервой об этом задумываюсь. Не могу я ни перед кем пресмыкаться так, как здешний народец пресмыкается перед своим Пророком. Я американец, рожден свободным и к такому не приучен, а меняться мне в моем возрасте уже поздно. Если он велит шпионить за нашей фермой, то его шпионы рискуют напороться на добрый заряд дрови.

– Но они никогда не отпустят нас, – возразила Люси.

– Дождемся Джефферсона, вместе мы все быстренько ула-

дим. А пока не тревожься понапрасну, милая, и не плачь, чтобы не опухли твои глазки, а то он задаст мне жару, когда увидит тебя. Бояться нечего, нам ничто не грозит.

Джон Феррье очень убедительно утешал дочь, но от нее не укрылось то, с какой непривычной тщательностью отец запер все двери тем вечером, а потом аккуратно вычистил и зарядил свое старое заржавевшее ружье, которое висело на стене у него в спальне.

4. Побег ради жизни

На следующее утро после разговора с мормонским Пророком Джон Феррье отправился в Солт-Лейк-Сити и, найдя там своего знакомого, собиравшегося в горы Невады, вручил ему письмо для Джефферсона Хоупа. В письме он сообщал молодому человеку о нависшей над ними угрозе и просил его немедленно приехать. Отдав письмо, Феррье почувствовал облегчение и вернулся домой в менее тягостном настроении.

Подъезжая к ферме, он с удивлением увидел двух лошадей, привязанных к столбцам ворот. Еще больше удивился Феррье, войдя в дом: в его гостиной вольготно расположились два молодых человека. Один, с длинным бледным лицом, раскачивался в кресле-качалке, положив ноги на каминную решетку. Другой, с бычьей шеей и грубым, обрюзгшим лицом, стоял у окна, засунув руки в карманы и насвистывая какой-то церковный гимн. Оба небрежно кивнули во-

шедшему Феррье, и тот, что сидел в кресле, приступил к разговору.

– Возможно, вы нас не знаете, – сказал он. – Вот он – сын старейшины Дреббера, а я – Джозеф Стэнджерсон, мы с вами ехали через пустыню в одной повозке, когда Господь простер над вами Свою длань и вернул заблудших овец в овчарню.

– Как вернет Он туда все народы в избранный Им день и час, – прогнусавил второй гость. – Бог правду видит, да не скоро скажет.

Джон Феррье холодно кивнул. Он и сам сразу догадался, кто его посетители.

– Мы пришли, – продолжал Стэнджерсон, – по совету своих отцов, чтобы просить руки вашей дочери для того из нас, кого вы и она предпочтете. Поскольку у меня всего четыре жены, а у брата Дреббера семь, мне кажется, я имею преимущество.

– Ну уж нет, брат Стэнджерсон! – воскликнул второй. – Дело вовсе не в том, сколько жен у каждого из нас уже есть, а в том, скольких он может прокормить. Отец отдал мне свои мельницы, так что я богаче тебя.

– Зато у меня перспективы лучше, – запальчиво возразил первый. – Когда Господь приберет к себе моего отца, я унаследую его кожевенную фабрику и дубильню. Кроме того, я старше тебя и в церковной иерархии стою выше.

– Пусть девушка сама выберет, – примирительно сказал

молодой Дреббер, самодовольно улыбаясь своему отражению в зеркале. – Предоставим решение ей.

На протяжении всего этого диалога Джон Феррье, кипя от негодования, стоял в дверях и едва сдерживался, чтобы не огреть хлыстом незваных гостей.

– А теперь слушайте меня, – сказал он наконец, шагнув вперед. – Когда моя дочь позовет вас, можете прийти, а до тех пор чтобы я больше не видел ваших физиономий у себя в доме!

Молодые мормоны в изумлении уставились на него. По их представлениям, соперничая за обладание девушкой, они оказывали высочайшую честь ей самой и ее отцу.

– Из этой комнаты есть два выхода, – закричал разъяренный Феррье, – через дверь и через окно. Какой вы предпочитаете? – Его смуглое лицо было таким свирепым, а костлявые кулаки выглядели столь угрожающе, что гости сочли за благо поскорей ретироваться. Старик фермер шел за ними до самых дверей. – Не забудьте сообщить, когда договоритесь, кто из вас более подходящий жених, – издевательски напутствовал он своих гостей.

– Зло причиняете вы себе! – побелев от ярости, выкрикнул Стэнджерсон. – Вы бросили вызов Пророку и Совету четырех и будете раскаиваться в этом до конца дней своих.

– Десница Господня тяжела будет на главе твоей, – подхватил молодой Дреббер. – Восстанет Он и поразит тебя!

– Зато тебя я сам поражу! – окончательно рассвирепев,

воскликнул Феррье и бросился наверх за ружьем, но Люси удержала его, схватив за руку. Прежде чем он освободился от нее, отдаленный цокот копыт оповестил обоих, что гости уже вне пределов досягаемости. – Лицемеры, подлецы! – заорал им вдогонку Феррье, вытирая пот со лба. – Уж лучше мне увидеть тебя в гробу, девочка моя, чем замужем за любым из них.

– Я тоже предпочту умереть, отец, – храбро заявила де-вушка. – Но ведь Джефферсон скоро будет здесь.

– Да. Ждать осталось недолго. Поскорей бы уж он приехал, кто знает, что еще взбредет им в голову.

И впрямь, давно уж пора было кому-нибудь, кто мог дать дельный совет, прийти на помощь стойкому старому фермеру и его приемной дочери. В истории поселения не было еще случая такого бесстрашного неповиновения власти старейшин. И если уж куда более мелкие провинности карались здесь столь сурово, то можно себе представить, какая судьба ждала такого отчаянного бунтаря. Феррье прекрасно понимал, что ни богатство, ни положение в общине не спасут его. Не менее известные и состоятельные люди, чем он, и прежде исчезали без следа, а их добро отходило церкви. Феррье был храбрым человеком, но и он содрогался при мысли о зло-веще-призрачной угрозе, нависшей над ним. Любую явную опасность Феррье встретил бы, не склонив головы, но ожидание неизвестности нервировало его. Он старался скрывать свои страхи от дочери и убеждал ее, что все происходящее

– пустяк, однако дочерняя любовь наделила Люси проникающей способностью, и она видела, что отцу не по себе.

Феррье догадывался, что Янг не оставит без внимания его поведение, и не ошибся, но ему и в голову не приходило, какую изощренную форму наказания тот выберет. Проснувшись на следующее утро, он с удивлением обнаружил квадратный листок бумаги, пришпиленный к одеялу у него на груди. Корявыми печатными буквами на нем было написано: «Чтобы исправить ошибку, у тебя осталось двадцать девять дней, а потом...»

Это многоточие было страшней любой угрозы. Джон Феррье не понимал, как записка оказалась в его комнате, ведь слуги спали в отдельном доме, а все двери и окна были надежно заперты. Он сжег бумажку и ничего не сказал дочери, но происшествие вселило холодный ужас в его сердце. Двадцать девять дней – это, очевидно, то, что осталось от обещанного Янгом месяца. Какая же сила и отвага нужны, чтобы противостоять врагу, наделенному столь таинственной властью? Рука, прищипившая записку, могла поразить Феррье прямо в сердце, а он даже не узнал бы имени убийцы.

На следующее утро его ждало еще более глубокое потрясение. Они сидели за завтраком, когда Люси вдруг удивленно вскрикнула и указала рукой вверх. Посреди потолка, судя по всему, обугленной головешкой была нацарапана цифра «28». Люси не догадалась о значении сего знака, а Феррье не стал ничего объяснять. В ту ночь он не сомкнул глаз: сидел

с ружьем в руках, охраняя дом. Феррье ничего не увидел и не услышал, но наутро на входной двери снаружи появилась намалеванная краской цифра «27».

Так проходил день за днем, и каждое утро, неотвратимые как судьба, появлялись новые свидетельства того, что невидимые враги ведут свой грозный счет: на самых заметных местах они оставляли метки – сколько дней осталось Феррье от милостиво дарованного месяца. Иногда роковые числа были написаны на стене, иногда на полу, порой бумажки прикрепляли к садовой калитке или ограде. Несмотря на всю свою бдительность, Джон Феррье ни разу не обнаружил, когда появляются эти ежедневные предупреждения. При виде их он испытывал почти суеверный ужас. Феррье исхудал, потерял покой и смотрел как затравленный зверь. Теперь осталась одна надежда: на возвращение молодого охотника из Невады.

Число отпущенных дней сократилось до двадцати, потом до пятнадцати, до десяти, а уехавший друг не подавал о себе никаких вестей. Дни утекали, как вода, но от Хоупа не было ни слуху ни духу. Каждый раз, когда на дороге раздавался цокот копыт или возница покрикивал на своих лошадей, фермер бросался к воротам в тщетной надежде на то, что наконец-то пришла помощь. Но когда цифра пять сменилась цифрой четыре, а затем три, Феррье пал духом и безвозвратно утратил надежду на спасение. Он понимал, что без посторонней помощи, плохо ориентируясь в окрестных горах,

будет беспомощен. Все проезжие дороги тщательно охранялись, с них не спускали глаз, проехать по ним без письменного разрешения Совета было невозможно. В какую бы сторону он ни направился, избежать нависшей над ним опасности не удалось бы. Однако старик оставался непоколебим в своем решении скорее расстаться с жизнью, чем согласиться на то, что считал бесчестьем для дочери.

Как-то вечером он сидел в одиночестве, размышляя над своими бедами и тщетно пытаясь найти выход. Утром на стене дома появилась цифра два, оставался последний день назначенного срока. И что потом? В воображении Феррье роились неясные, но пугающие фантазии. А дочь? Что будет с ней, когда его не станет? Неужели нет спасения от невидимой паутины, опутавшей их? Он опустил голову на стол и разрыдался от сознания собственной беспомощности.

Но что это? В тишине Феррье уловил едва слышный скребущий звук – осторожный, но отчетливо различимый в ночной тишине. Звук исходил от входной двери. Феррье прокрался по коридору и прислушался. На несколько секунд наступила пауза, потом осторожное, но настойчивое царапанье возобновилось. Снаружи кто-то явно скреб ногтем по дверному косяку. Быть может, это полуночный убийца, явившийся привести в исполнение смертный приговор тайного трибунала? Или посланник, делающий пометку о том, что наступил последний день отсрочки? Решив, что мгновенная смерть несравненно милосерднее тягостного ожидания, от

которого натянулись его нервы и холодело в груди, Джон Феррье сделал молниеносный прыжок, рванул задвижку и распахнул дверь.

Снаружи все было тихо и неподвижно. Стояла дивная ночь, над головой ярко мерцали звезды. Прямо от порога начинался небольшой сад, окруженный изгородью, но ни в нем, ни на дороге не было видно ни одного живого существа. Со вздохом облегчения Феррье взглянул направо, налево, а потом – почти случайно – себе под ноги. Каково же было его изумление, когда он увидел распростертого на земле мужчину с раскинутыми в стороны руками и ногами.

Это зрелище так ошеломило Феррье, что он невольно отпрянул к стене, сжав руками горло, чтобы не закричать. Сначала Феррье подумал, что распростертый человек – это тяжело раненный или даже умирающий, но, присмотревшись, он увидел, что человек этот, извиваясь быстро и бесшумно, как змея, ползет в дом. Оказавшись внутри, мужчина вскочил на ноги, закрыл дверь, и перед потрясенным фермером предстало волевое и решительное лицо Джефферсона Хоупа.

– Боже праведный! – с трудом переведя дыхание, воскликнул Джон Феррье. – Как ты меня напугал! Какого черта ты ползаешь?

– Позвольте мне сначала поесть, – попросил Хоуп охрипшим голосом. – Я двое суток не спал и не ел. – С этими словами он жадно набросился на холодное мясо и хлеб, оставшиеся на столе после хозяйского ужина. – Как Люси? –

спросил он, едва утолив голод.

– Хорошо. Она ничего не знает об опасности, – ответил отец девушки.

– Это правильно. За домом наблюдают со всех сторон. Вот почему мне пришлось ползти. Они, конечно, чертовски бдительны и хитры, но не настолько, чтобы поймать охотника с гор Уошу.

Теперь, когда рядом с ним был преданный союзник, Джон Феррье чувствовал себя совсем иначе. Он схватил обветренную руку молодого человека и от души пожал ее.

– Тобой можно гордиться, – сказал он. – Не много сыщется людей, которые добровольно решились бы разделить с нами несчастье и опасность.

– Не преувеличивайте, приятель, – прервал его восторги молодой охотник. – Я очень уважаю вас, но, признаться, дважды подумал бы, стоит ли совать голову в такое осиное гнездо ради вас одного. Я здесь из-за Люси и клянусь, прежде чем хоть один волос упадет с ее головы, в Юте станет на одного Хоупа меньше.

– Что будем делать?

– Завтра последний день, поэтому, если мы ничего не предпримем нынешней ночью, вы пропали. В Орлином ущелье я оставил мула и двух лошадей. Сколько у вас денег?

– Две тысячи долларов золотом и пять – в банкнотах.

– Этого хватит. У меня приблизительно столько же. Мы

должны пробиться через горы в Карсон-Сити³⁸. Разбудите Люси. Хорошо, что слуги не спят в доме.

Пока Феррье отсутствовал, подготавливая дочь к предстоящему путешествию, Джефферсон Хоуп сложил все съестное в небольшой пакет и наполнил водой глиняный кувшин, зная по опыту, что источников в здешних горах мало и находятся они далеко друг от друга. Он как раз закончил сборы, когда вернулся фермер с дочерью, одетой для долгой дороги и готовой немедленно отправиться в путь. Встреча влюбленных была горячей, но краткой, ибо предстояло еще многое сделать и дорога была каждая минута.

– Мы должны выступить немедленно, – сказал Джефферсон Хоуп тихо, но решительно, как человек, трезво сознающий масштаб опасности, однако намеренный бороться до конца. – Парадный и черный ходы под наблюдением, но, соблюдая осторожность, мы вылезем через боковое окно и проберемся полями. Как только окажемся на дороге, до ущелья, где ждут лошади, останется всего две мили. К рассвету мы должны проделать половину пути через горы.

– А что, если нас остановят? – спросил Феррье.

Хоуп похлопал по рукоятке заткнутого за пояс револьвера, который выпирал спереди из-под кожаной блузы.

– Если их окажется слишком много, мы по крайней мере прихватим двоих-троих с собой, – ответил он с мрачной

³⁸ Немормонский город в штате Невада, неподалеку от границы с Калифорнией.

усмешкой.

Они потушили огонь, и, выглянув через боковое окно, Феррье всмотрелся в поля, его поля, которые ему предстояло покинуть навсегда. Впрочем, он давно подготовил себя к этой жертве; честь и счастье дочери были для него несравненно дороже, чем состояние. Вид, открывавшийся из окна – пышные деревья и широкая полоса мирной нивы, – казался абсолютно безмятежным. Не верилось, что все вокруг пронизано смертельной угрозой. Тем не менее озабоченное выражение бледного лица молодого охотника безошибочно свидетельствовало о том, что на подступах к дому он заметил предостаточно опасностей.

Феррье взвалил на плечо мешок с золотом и банкнотами. Джефферсон Хоуп нес их скудный запас провизии и кувшин с водой, Люси – небольшой узелок с немногими дорогими ей пожитками. Они очень медленно и осторожно открыли окно, дождались, когда черная туча заволокла небо, сделав ночную тьму кромешной, после чего один за другим вылезли в сад. Затаив дыхание, согнувшись в три погибели, они быстро пересекли его и, укрываясь под сенью изгороди, стали продвигаться вдоль нее, пока не достигли бреша, ведущей в поле. Но в этот момент молодой охотник схватил своих спутников за руки и молча оттащил назад, в тень, где они залегли на землю, дрожа и стараясь не дышать.

Хорошо, что жизнь в прериях развила у Джефферсона Хоупа острый, как у рыси, слух. Едва они спрятались, как

в нескольких ярдах от них послышалось тоскливое уханье горной совы, ей тотчас ответила другая, находившаяся где-то неподалеку. И в тот же миг в проеме, через который они только что собирались пролезть, появилась едва различимая во тьме фигура мужчины. Он снова издал условный звук, на который откликнулся другой человек, почти одновременно с ним выступивший из тьмы.

– В полночь, – сказал первый и, видимо, главный. – После трехкратного крика козодоя.

– Хорошо, – ответил второй. – Предупредить брата Дреббера?

– Да, передай ему, а он пусть передаст дальше по цепочке. Девять к семи!

– Семь к девяти! – ответил второй, и фигуры разошлись в разные стороны.

Их последние реплики были скорее всего паролем и отзовом. Как только шаги замерли вдали, Джефферсон Хоуп вскочил и помог своим спутникам пролезть сквозь брешь в изгороди. Потом он очень быстро повел их через поле, поддерживая, а порой почти неся на себе выбивавшуюся из сил девушку.

– Скорее! Скорее! – подгонял он спутников время от времени. – Линию дозора мы уже миновали, теперь все зависит от нашей проворности. Торопитесь!

Выбравшись наконец на дорогу, они зашагали гораздо бодрее. Только раз кто-то повстречался им на пути, но они

успели юркнуть в пшеницу и остаться незамеченными. Не доходя до города, охотник свернул на узкую бугристую тропу, ведущую к горам. Два островерхих пика смутно вырисовывались на фоне темного неба, просвет между ними и был Орлиным ущельем, где ждали лошади. Руководствуясь безошибочным чутьем, Джефферсон Хоуп прокладывал путь между огромными валунами, разбросанными вдоль русла высохшей речки, пока они не достигли скрытого от глаз скалами уголка, где верные животные мирно стояли, привязанные к колышкам. Девушку посадили на мула, старик Феррье, держа мешок с деньгами, сел на лошадь, а Джефферсон Хоуп, взяв свою под уздцы, с предельной осторожностью повел ее по опасной горной тропе.

Любого, кто не привык действовать в условиях дикой природы, этот путь изрядно напугал бы. С одной стороны возвышался почти отвесный скалистый склон высотой не менее тысячи футов, черный, неприступный и грозный, с длинными базальтовыми наростами, как ребра окаменевшего ископаемого, торчавшими из его изрезанной глубокими трещинами поверхности. С другой – вся земля была завалена острыми обломками скал и гигантскими валунами, так что по ней нельзя было ступить и шагу. А посередине петляла порой вовсе исчезающая тропа, такая узкая, что приходилось идти гуськом, и такая неровная, что одолеть ее мог лишь очень искусный наездник. Но, несмотря на все трудности и опасности, беглецы находились в приподнятом настроении,

ибо каждый шаг удалял их от цитадели деспотизма, которую они мечтали покинуть навсегда.

Вскоре, однако, они получили доказательство того, что все еще находятся на территории, подвластной «святым». Они подъехали к самому дикому и глухому участку дороги, когда девушка, тревожно вскрикнув, указала куда-то вверх. На выступе скалы, нависавшей над тропой, четко вырисовываясь на фоне неба, стоял одинокий часовой. Они увидели друг друга одновременно, и в тишине ущелья прозвучало и многократно отдалось гулким эхом его: «Стой, кто идет?»

Не снимая руки с ружья, лежавшего перед ним поперек седла, Джефферсон Хоуп ответил:

– Путники. Едем в Неваду.

Они заметили, как одинокий страж, вглядываясь в них, положил палец на курок, видимо, ответ не удовлетворил его.

– Кто дал разрешение? – спросил он.

– Священная четверка, – ответил Феррье. Прожив среди мормонов не один год, он знал, что для них это высший авторитет.

– Девять к семи, – крикнул часовой.

– Семь к девяти, – без запинки произнес Джефферсон Хоуп отзыв, подслушанный в саду.

– Проезжайте и да хранит вас Господь, – напутствовал их голос сверху. Начиная с этого места, дорога становилась шире, и они пустили лошадей рысью. Оглянувшись, они увидели одинокого стража, который стоял, спокойно опершись на

ружье, и поняли, что миновали последний сторожевой редут Страны избранных. Впереди их ждала свобода.

5. Ангелы мщения

Всю ночь они ехали по заваленным камнями, то и дело исчезающим тропам, петлявшим по дну извилистых ущелий. Не раз сбивались с пути, но доскональное знание местных гор позволяло Хоупу снова и снова находить верную дорогу. Когда рассвело, их взорам открылась картина восхитительной, хотя и дикой природы. Со всех сторон их окружали высокие снежные вершины, которые, выглядывая одна из-за другой, тянулись до самого горизонта. Их каменные склоны были такими крутыми, что росшие на них лиственницы и сосны казались подвешенными в воздухе. Невольно думалось, что достаточно одного порыва ветра – и они сорвутся путникам на головы. Они опасались не напрасно: замкнутая горами котловина была сплошь завалена деревьями и обломками скал, сорвавшимися с гор. Как раз в тот момент, когда путники пересекали долину, огромный валун скатился вниз с треском и грохотом, разбудившим дремавшее в ущелье эхо, и оно так напугало лошадей, что они припустили галопом.

По мере того как на востоке над горизонтом всходило солнце, вершины огромных гор расцветивались одна за другой, словно праздничная гирлянда, пока не засияли огнями все разом. Эта волшебная картина приободрила беглецов и

придала им сил. На берегу бурного горного ручья, стремившегося через ущелье, они устроили короткий привал, напоили лошадей и сами позавтракали на скорую руку. Люси и ее отцу хотелось отдохнуть подольше, но Джефферсон Хоуп был неумолим.

– Они наверняка уже отрядили за нами погоню, – сказал он. – Наше спасение – в быстроте. Вот доберемся до Карсона целыми и невредимыми – будем отдыхать хоть всю оставшуюся жизнь.

Весь этот день путники ехали ущельями и к вечеру, по их подсчетам, находились более чем в тридцати милях от своих врагов. Для ночевки они выбрали место под скалистым уступом, кое-как защищенное от пронизывающего ветра, и, прижавшись друг к другу, чтобы согреться, несколько часов поспали. Однако еще до рассвета снова пустились в путь. Не замечая никаких признаков погони, Джефферсон Хоуп подумал, что они уже вне пределов досягаемости той страшной организации, чью вражду имели несчастье навлечь на себя. Но он не знал, сколь далеко простирается ее тяжелая длань и как скоро беглецы почувствуют на себе железную хватку, которая сокрушит их.

К середине второго дня начал иссякать скудный запас провизии. Это не слишком беспокоило охотника, ибо он знал, что в горах полно дичи, – ему и прежде случалось обеспечивать себя едой, полагаясь лишь на собственное ружье. Найдя небольшую ровную площадку, укромно защищенную

со всех сторон скалами, Хоуп набрал сухих веток и разжег костер, чтобы его спутники согрелись, ведь теперь они находились на высоте пять тысяч футов над уровнем моря, и воздух здесь был такой ледяной и колючий, что их пробирало до мозга костей. Привязав лошадей и помахав Люси на прощание, охотник закинул за спину ружье и отправился на поиски добычи. Отойдя на несколько шагов, он оглянулся и увидел, что старик и девушка сидят, придвинувшись к костру, а трое животных неподвижно стоят чуть поодаль. Но вскоре скалы скрыли от него эту трогательную картину.

Хоуп прошел мили две, перебираясь из одной узкой теснины в другую, но не встретил ни зверя, ни птицы, хотя по ободранной коре на деревьях и по другим признакам мог с уверенностью сказать, что в этой местности водится немало медведей. Наконец, после двух или трех часов бесплодных блужданий, он, отчаявшись, решил было возвращаться, но, случайно посмотрев вверх, заметил то, от чего у него радостно забилося сердце: на краю остроконечно выступающей скалы, на высоте футов трехсот – четырехсот, застыло существо, внешне напоминавшее овцу, но снабженное парой гигантских рогов. Снежный баран – именно так называлось это существо, – вероятно, исполнял обязанности дозорного в стаде, скрытом сейчас от глаз охотника. К счастью, баран смотрел в другую сторону и не заметил человека. Распластавшись на земле, Хоуп положил дуло ружья на камень для упора и долго целился, прежде чем спустить курок. Живот-

ное высоко подскочило, на миг задержалось на краю скалы, суча ногами, и рухнуло вниз.

Туша оказалась слишком тяжелой, чтобы тащить ее на себе целиком, поэтому охотник отрезал лишь заднюю часть и кусок грудины. Взвалив свой трофей на плечо, он поспешил назад, так как начинало смеркаться. Однако вскоре Хоуп обнаружил, что, увлекшись поисками добычи, очутился в незнакомом ему месте, и теперь не мог сообразить, куда идти. Долина, где он находился, имела множество выходов в большие и маленькие ущелья, так похожие одно на другое, что было почти невозможно различить их. Хоуп углубился в одно из ущелий, но, пройдя чуть больше мили, уткнулся в горный поток, которого прежде не видел. Поняв, что ошибся, Хоуп вернулся и пошел по другому ущелью – с тем же успехом. В горах темнеет быстро, и к тому времени, когда он отыскал нужную тропу, на землю опустилась ночь. Теперь, даже зная дорогу, охотник продвигался с огромным трудом: луна еще не взошла, а громоздящиеся с обеих сторон скалы делали тьму непроглядной. Обремененный добычей, усталый от долгих скитаний, Хоуп приободрял себя лишь мыслью о том, что каждый шаг приближает его к Люси и он несет столько мяса, что обеспечит едой своих спутников и себя до конца путешествия.

Наконец Хоуп подошел ко входу в ущелье, где оставил Люси и ее отца. Даже в темноте он узнал очертания скал, окаймлявших его. Должно быть, Феррье с дочерью уже вол-

нуются, ведь он отсутствовал почти пять часов. В радостном предвкушении встречи охотник сложил ладони лодочкой и, поднеся их к губам, издал громкий клич, оповещаая о своем прибытии. Клич гулким эхом разнесся между скал. Охотник подождал, прислушиваясь, но, кроме эха собственного голоса, прокатившегося по ущелью и вернувшегося к нему затаивающимися повторами, ничего не услышал. Он крикнул снова, громче, но никакого ответа от друзей не было. Смутный страх закрался в его душу, хотя пока Хоуп не мог бы сказать, чего именно боится. Он стремительно кинулся вперед, в панике бросив драгоценную добычу.

Обогнув скалу, он очутился на той самой площадке, где еще недавно горел костер. Теперь на его месте тлела лишь кучка золы – было очевидно, что после ухода Хоупа никто огня не поддерживал. Вокруг по-прежнему царила мертвая тишина. Его смутные опасения переросли в уверенность, он поспешно огляделся и не обнаружил вблизи догоревшего костра ни живой души – ни старика, ни девушки, ни лошадей. Хоуп понял, что во время его отсутствия здесь произошла катастрофа, унесшая их всех и не оставившая после себя никаких следов.

Сраженный этим чудовищным ударом, Джефферсон Хоуп почувствовал, как у него закружилась голова. Чтобы не упасть, он оперся на ружье. Однако, как человек действия, Хоуп быстро оправился от слабости. Выхватив из пепелища тлеющую головешку, он раздул огонь и с этим факелом

пошел осматривать свой маленький бивуак. Вся земля была истоптана конскими копытами – значит, на беглецов напал большой отряд всадников, который, судя по направлению следов, отправился назад в Солт-Лейк-Сити. Скорее всего отряд и увез с собой его спутников. Джефферсон Хоуп почти убедил себя в том, что так оно и было, но в этот момент взгляд его различил смутный силуэт, при виде которого нервы охотника напряглись до предела. Чуть в стороне от площадки, где располагалась их стоянка, возвышался небольшой холмик из красноватой земли, которого – он это точно помнил – прежде там не было. Принять его ни за что, кроме свежей могилы, было невозможно. Подойдя поближе, охотник увидел воткнутую в холмик палку, в расщепленный конец которой был вставлен лист бумаги. Надпись оказалась краткой, но исчерпывающей:

ДЖОН ФЕРРЬЕ,

житель Солт-Лейк-Сити.

Скончался 4 августа 1860 года

Значит, отважный старик, которого он несколько часов назад оставил на этом месте, мертв, и этот жалкий листок – единственная эпитафия, коей он удостоился. Джефферсон Хоуп стал дико озираться по сторонам в поисках второй могилы, но ее не было. Значит, Люси увезли ее жестокие преследователи. Судьба все же настигла девушку: быть ей теперь одной из жен в гареме сына старейшины. Осознав бесповоротность случившегося и свое бессилие что-либо изменить,

Хоуп пожалел о том, что не может найти упокоения здесь же, рядом со старым фермером, в его могиле.

Но врожденная активность натуры возобладала над отчаянием, и он преодолел оцепенение. Раз ничего другого не остается, нужно посвятить жизнь тому, чтобы отомстить. Безграничное терпение и упорство позволяли Джефферсону Хоупу долго и неотступно вынашивать свою месть – видимо, эти качества он перенял у индейцев, среди которых вырос. Стоя у покинутого костра, он думал о том, что облегчить его беспредельное горе может только одно – неминуемое возмездие, которое постигнет его врагов. И он покарает их собственной рукой. Отныне Хоуп решил направить только на это всю свою железную волю и неиссякаемую энергию. С побелевшим, искаженным страданием лицом он вернулся туда, где бросил свою добычу, и, раздув тлеющий костер, жарил мяса на несколько дней пути. Увязав еду в узелок, Хоуп, невзирая на усталость, отправился через горы туда, куда указывали следы Ангелов мщениия.

Пять дней, в кровь стирая ноги, выбиваясь из сил, он шел назад по той же дороге, по которой недавно ехал верхом. После наступления ночи Хоуп падал от усталости между скал, чтобы пару часов вздремнуть, но еще до рассвета поднимался на ноги. На шестой день он достиг Орлиного ущелья, откуда они начали свое роковое путешествие. Отсюда открывался вид на прибежище Святых. Измученный и истощенный, опершись на ружье, Хоуп яростно погрозил раскинув-

шемуся внизу молчаливому городу своим загрубелым кулаком. Потом, приглядевшись, увидел флаги, развешанные на улицах, и другие признаки торжества. Не успел он подумать о том, чему оно посвящено, как услышал цокот лошадиных копыт и увидел приближающегося к нему всадника. Когда тот подъехал поближе, Хоуп узнал в нем мормона по имени Купер, которому иногда оказывал услуги, поэтому счел возможным разузнать у него о судьбе Люси Феррье.

– Я Джефферсон Хоуп, – сказал он. – Вы помните меня?

Мормон удивленно посмотрел на него. В этом косматом оборванце с бескровно-белым лицом и дико горящими глазами трудно было узнать некогда щеголеватого молодого охотника. Удивление, однако, сменилось страхом, когда мормон убедился в том, что это действительно Хоуп.

– Какое безумие – зачем вы вернулись?! – воскликнул он. – Если кто-нибудь увидит, что я разговариваю с вами, это может стоить мне жизни. Священная четверка выдала ордер на ваш арест за то, что вы помогли бежать Феррье и его дочери.

– Не боюсь я ни их, ни их ордеров, – ответил Хоуп. – Купер, вы должны что-нибудь знать о ней. Заклинаю вас всем святым, ответьте мне на несколько вопросов. Мы же были друзьями. Ради Бога!

– Ну, что у вас за вопросы? – сжалился мормон, которому явно было не по себе. – Только быстро. У скал и деревьев тоже есть глаза и уши.

– Что случилось с Люси Феррье?

– Вчера ее выдали замуж за молодого Дреббера. Спокойно, парень, спокойно – вы же едва на ногах держитесь.

– Не обо мне речь, – отмахнулся Хоуп. Он побледнел еще больше и сполз на землю по скале, к которой прислонялся. – Вы сказали «выдали замуж»?

– Да, вчера – потому и флаги на улицах вывесили. Молодой Дреббер и молодой Стэнджерсон договорились между собой, кому она достанется. Они оба были в отряде, отправленном в погоню, и Стэнджерсон убил отца девушки, что вроде бы давало ему преимущество, но, когда они оспаривали свои права перед Священным советом, аргументы Дреббера оказались сильнее, поэтому Пророк отдал ее ему. Впрочем, долго она никому принадлежать не будет: поверьте, вчера я видел смерть у нее в глазах. Она больше похожа на призрак, чем на женщину. Надеюсь, это все, что вы хотели узнать?

– Все, – ответил Джефферсон Хоуп, с трудом вставая. Его суровое лицо казалось теперь высеченным из мрамора – лишь глаза полыхали недобрым пламенем.

– И куда же вы теперь?

– Не важно, – ответил Хоуп и, закинув винтовку на плечо, зашагал прочь по узкому ущелью в глубину гор, туда, где обитали лишь дикие звери. Но не было сейчас среди них никого свирепей и опасней Хоупа.

Предсказание мормона сбылось. То ли из-за ужасной

смерти отца, случившейся на ее глазах, то ли из-за принудительного замужества бедняжка Люси так и не оправилась от горя. Она зачахла и умерла, не прожив после свадьбы и месяца. Отупевший от пьянства Дреббер, женившийся на ней только ради наследства, недолго горевал из-за своей утраты, а вот другие его жены оплакивали Люси и, по мормонскому обычаю, всю ночь накануне похорон провели у ее одра. На следующий день рано утром, когда они собрались вокруг гроба для последнего прощания, дверь внезапно распахнулась и, к их невыразимому ужасу и изумлению, в комнату вошел свирепого вида мужчина в истрепанной одежде. Не произнеся ни слова и даже не взглянув в сторону перепуганных женщин, он приблизился к бездыханному телу, в котором еще недавно жила чистая душа Люси Феррье. Склонившись, он благоговейно коснулся губами ее холодного белого лба, потом взял руку покойной и снял с ее пальца обручальное кольцо.

– С этим она не уйдет в могилу, – гневно бросил он и, прежде чем поднялась тревога, скрылся. Все случилось так быстро и казалось столь неправдоподобным, что очевидцы не то что не могли никого убедить в том, что случилось, да и сами не поверили бы тому, чему стали свидетелями, если бы не один неоспоримый факт: золотое обручальное кольцо, исчезнувшее с пальца покойной.

Несколько месяцев Джефферсон Хоуп провел в горах, ведя странную жизнь, напоминающую жизнь дикого зверя.

Одержимый своей идеей, он вынашивал в душе план страшной мести. Среди мормонов ходили слухи о диковинном существе, обитавшем в самых глухих ущельях и порой рыскавшем вблизи города. Однажды в окно дома Стэнджерсона влетела пуля и, просвистев в фуге от его головы, вонзилась в стену. В другой раз, когда Дреббер проходил под скалистым уступом, огромный камень сорвался сверху, и он едва избежал ужасной смерти, успев отскочить в сторону и плашмя броситься на землю. Два молодых мормона недолго гадали, кто покушается на них, и снаряжали в горы одну экспедицию за другой в надежде захватить или убить своего врага, но все попытки были тщетны. Тогда, в целях предосторожности, они решили никогда и нигде не появляться поодиночке, не выходить на улицу после наступления темноты и выставить охрану вокруг своих домов. Однако по прошествии некоторого времени они ослабили бдительность, поскольку их недруг больше не давал о себе знать: никто не видел его и ничего о нем не слышал. Они решили, что мстительность его поутихла.

Напротив, Хоуп распался все сильнее. Человек упорный, он не привык отступать от намеченной цели, а всепоглощающая жажда мести так безраздельно завладела им, что не оставила места для иных чувств. Вместе с тем практический ум подсказывал Хоупу, что даже его железный организм не выдержит постоянного напряжения. Он не имел ни крова над головой, ни полноценной пищи, и силы его быстро убы-

вали. Кто же покарает мерзавцев, если он околеет, как пес, здесь, в горах? А коли он будет вести такую жизнь, смерть неминуема. И это на руку лишь его врагам. Поразмыслив, Джефферсон Хоуп вернулся в Неваду, на старые рудники, чтобы поправить здоровье и скопить денег. Это позволило бы ему в дальнейшем добиваться своей цели без особых лишений.

Он намеревался провести в Неваде не более года, но непредвиденные обстоятельства задержали его на рудниках почти на пять. Но и по истечении этого срока память о чудовищном злодеянии у него не притупилась и не утихла жажда мести. Эти чувства были так же остры, как в тот вечер, когда он стоял у могилы Джона Феррье. Изменив внешность и имя, Хоуп отправился в Солт-Лейк-Сити, ничуть не заботясь о собственной судьбе и готовый ко всему, – лишь бы восторжествовала справедливость. Там его ждали дурные вести. За несколько месяцев до возвращения Хоупа в стане Избранных произошел раскол: часть молодых мормонов взбунтовалась против власти старейшин и, отколовшись от церкви, покинула Юту. Среди них были Дреббер и Стэнджерсон; никто не знал, где их теперь искать. По слухам, Дреббер продал большую часть своей собственности, так что стал человеком весьма состоятельным, тогда как его приятель Стэнджерсон остался сравнительно беден. Так или иначе, где они, никто не знал.

Многие на месте Хоупа, как ни одолевала бы их жаж-

да мщения, в подобных обстоятельствах сдались бы, но он не ведал сомнений. Не располагая сведениями, перебиваясь случайными заработками, Хоуп переезжал из города в город в поисках своих врагов и так пересек чуть ли не всю территорию Соединенных Штатов. Год проходил за годом, в его черных волосах пробивалась седина, но он, словно гончая, продолжал преследовать врагов, отрешившись от всего, что не было связано с единственной целью его жизни. Наконец упорство Хоупа было вознаграждено. Он лишь мимолетно увидел лицо в окне, но этого было достаточно: Хоуп убедился, что люди, которых он ищет, находятся в Кливленде, штат Огайо. Вернувшись в свое убогое жилище, Хоуп уже имел детальный план мести. К несчастью, случилось так, что Дреббер, выглянув из окна в тот момент, тоже заметил на улице бродягу и прочел в его взгляде свой смертный приговор. Вместе со Стэнджерсоном, ставшим теперь его личным секретарем, он немедленно отправился к мировому судье и заявил, что им угрожает опасность со стороны одержимого ревностью и ненавистью давнего соперника. В тот же вечер Джефферсона Хоупа препроводили в тюрьму. Не найдя поручителей, он провел в ней несколько недель. Когда же его наконец освободили, Хоуп обнаружил, что дом Дреббера опустел. Ему сказали, что тот со своим секретарем отправился в Европу.

Мститель снова потерпел неудачу, но лютая ненависть погнала его по следу врага. Не располагая деньгами, Хоуп

устроился на работу и, экономя каждый доллар, накопил денег на предстоящее путешествие. Собрав ровно столько, сколько было нужно, чтобы обеспечить себя самым необходимым, он отплыл в Европу и уже там продолжил преследование. Хоуп переезжал из города в город, делал все, что в человеческих силах, но настичь беглецов ему так и не удалось. Приехав в Санкт-Петербург, он выяснил, что они только что отбыли в Копенгаген. В датскую столицу Хоуп опоздал на несколько дней: Дреббер и Стэнджерсон перебрались в Лондон, и вот тут Хоуп наконец настиг их, а что случилось после этого, известно из признаний самого старого охотника, добросовестно воспроизведенных в дневниковых записях доктора Уотсона, коим мы уже столь многим обязаны.

6. Продолжение воспоминаний Джона Х. Уотсона, доктора медицины

Яростное сопротивление нашего пленника, судя по всему, не было вызвано злобой по отношению к нам. Лишившись возможности бороться дальше, он приветливо улыбнулся и выразил надежду на то, что никому в этой свалке не нанес увечий.

– Наверное, вы собираетесь отвезти меня в полицейский участок, – обратился он к Шерлоку Холмсу. – Мой кеб стоит у подъезда. Если вы развяжете мне ноги, я сам спущусь к нему. Теперь я уже не так легок, как прежде, так что нести

меня будет тяжело.

Грегсон и Лестрейд, переглянувшись, видимо, сочли это слишком рискованным, но Шерлок Холмс поверил пленнику на слово и развязал полотенце, которым стянули его щиколотки. Тот встал и немного размял ноги, словно хотел убедиться, что они действительно свободны. Помню, я подумал, глядя на него, что не часто случалось мне видеть столь крепко сбитого мужчину; выражение его лица, загорелого до черноты, было таким решительным и энергичным, что производило не менее сильное впечатление, чем физическая сила пленника.

– Если бы место начальника полиции было сейчас вакантно, полагаю, кандидатуры лучше вас на него не найти, – добавил арестованный, с нескрываемым восхищением глядя на моего компаньона. – То, как вы меня выследили, просто невероятно.

– Вам тоже хорошо было бы поехать с нами, – обратился Холмс к полицейским.

– Я могу сойти за извозчика, – предложил Лестрейд.

– Отлично, а Грегсон поместится с нами в кебе. И вы, доктор. Вы ведь принимали живое участие в деле, так что имеете полное право присутствовать при его завершении.

Я охотно согласился, и мы все спустились вниз. Наш пленник не делал ни малейших попыток бежать. Он спокойно поднялся по ступенькам в кабину собственного кеба, а я последовал за ним. Лестрейд взгромоздился на козлы, шелкнул

кнутом и вскоре доставил нас к месту назначения. Там нас препроводили в небольшую комнату, где инспектор записал фамилии арестованного и людей, в убийстве которых его обвиняли. Этот полицейский с бесстрастным бледным лицом исполнил свои обязанности уныло-механически.

– В течение недели задержанный предстанет перед судом для предварительного допроса, – сказал он. – А пока, мистер Джефферсон Хоуп, не хотите ли сделать заявление? Должен предупредить, однако, что ваши слова будут запротоколированы и могут быть использованы против вас.

– У меня есть много что сказать, – спокойно ответил арестованный. – И я, джентльмены, очень хочу поведать вам все.

– Приберегите лучше это для судей, – посоветовал инспектор.

– Перед судом я могу и не предстать, – возразил Хоуп. – Не пугайтесь. Я не собираюсь покончить с собой. Вы ведь врач? – Этот вопрос он задал, глядя на меня своим жестким пронизательным взглядом.

– Да, – подтвердил я.

– Тогда приложите ладонь вот сюда. – Он с улыбкой указал на свою грудь скованными наручниками руками.

Я сразу же ощутил натужное неровное биение сердца. Казалось, грудь его ходит ходуном и дребезжит, как кожух, внутри которого работает мощный мотор. В наступившей тишине слышались хриплые шумы, сопровождавшие глухие удары сердца.

– Боже мой! – вскричал я. – Да ведь у вас аневризма аорты!

– Да, именно так это и называется, – невозмутимо подтвердил он. – На прошлой неделе я был у врача, и он сообщил мне, что сердце мое может разорваться в любой момент. Я страдаю этим уже много лет, и состояние мое стремительно ухудшается. Причина в том, что в горах близ Солёного озера мне пришлось долго жить под открытым небом и недоедать. Теперь, когда цель достигнута, мне безразлично, сколько я еще протяну, но хотелось бы напоследок честно рассказать обо всем. Жаль, если обо мне останется память как об обычном головорезе.

Инспектор и два сыщика кратко обсудили, целесообразно ли выполнить просьбу арестованного.

– Доктор, как вы считаете, велика ли вероятность внезапной смерти? – спросил инспектор.

– Скорее всего весьма велика, – ответил я.

– В таком случае наш долг в интересах правосудия выслушать его заявление, – подвел итог инспектор. – Сэр, вы можете сделать свое сообщение, но предупреждаю еще раз: все, что вы скажете, будет запрототолировано.

– Я присяду, с вашего позволения, – сказал арестованный и, не дожидаясь разрешения, опустился на стул. – Из-за этой болезни я быстро устаю, а потасовка, в которой мы с вами участвовали час назад, не улучшила моего самочувствия. Я стою на краю могилы, джентльмены, поэтому мне незачем

лгать вам. Каждое мое слово будет чистой правдой, а что за этим последует, для меня уже не имеет никакого значения.

С этими словами Джефферсон Хоуп откинулся на спинку стула и начал свой удивительный рассказ. Говорил он спокойно и размеренно, будто повествовал о вполне заурядных событиях. За точность приводимого ниже изложения я ручаюсь, поскольку сравнил свои записи с записями Лестрейда, который стенографировал его показания. Все совпало слово в слово.

– Думаю, для вас не так уж важно, почему я ненавижу этих людей, – начал Хоуп. – Скажу только, что на их совести две человеческие жизни – отца и дочери, – за них-то они и заплатили теперь своими жизнями. Поскольку с того момента, когда они совершили свои преступления, минуло много лет, я не мог уже выдвинуть против них официального обвинения. Тем не менее они были виновны, и я решил стать для них и судьей, и присяжными, и палачом в одном лице. Окажись вы на моем месте, вы поступили бы точно так же, если в вас есть хоть капля мужества.

Девушка, о которой идет речь, двадцать лет назад должна была стать моей женой. Вместо этого ее насильно выдали замуж за Дреббера, и это разбило ей сердце. Я снял обручальное кольцо с пальца покойницы и поклялся, что в свой смертный час негодяй узнает, за что его покарали. Гоняясь за ним и его подручным по двум континентам, я всегда носил это кольцо с собой. И вот наконец я настиг их. Они ду-

мали, что изматывают меня, но не тут-то было. Если завтра я умру – а это весьма вероятно, – то умру с сознанием того, что свою миссию на земле исполнил, исполнил достойно. Они погибли от моей руки. Больше мне на этом свете не на что надеяться и нечего желать.

Они были богаты, я – беден, так что преследовать их мне было нелегко. Когда я прибыл в Лондон, в кармане у меня не оставалось ни гроша, пришлось снова приниматься за работу. Ездить верхом и править лошадьми для меня так же естественно, как ходить, поэтому я предложил свои услуги владельцу извозной конторы и вскоре получил место. Каждую неделю я отдавал хозяину определенную сумму, а все, что зарабатывал сверх того, оставлял себе. Впрочем, мне редко что перепадало, однако худо-бедно концы с концами я сводил. Самым трудным было освоиться в Лондоне, потому что из всех лабиринтов, когда-либо придуманных человеком, этот город представляет собой самый запутанный. Тем не менее, вооружившись картой и запомнив, где находятся основные гостиницы и вокзалы, я вскоре уже неплохо ориентировался.

Понадобилось некоторое время, чтобы разузнать, где остановились разыскиваемые мной джентльмены, но я не оставлял усилий и напал на их след. Они жили в Кэмберуэлле, в пансионе на другом берегу реки. Найдя их, я твердо решил, что теперь уж не упущу. Чтобы они меня не узнали, я отрастил бороду и следовал за ними по пятам в ожидании удобного случая. Больше скрыться от меня я бы им не поз-

ВОЛИЛ.

Тем не менее однажды это едва не случилось. Куда бы они ни отправились, я всегда сидел у них на хвосте. Иногда ехал за ними в кебе, порой следовал пешком. Первое было предпочтительней, потому что так они не могли улизнуть от меня, взяв извозчика. Зарабатывал я теперь лишь рано утром и поздно вечером и, конечно, задолжал хозяину. Но меня это не заботило, поскольку у меня по-прежнему оставалась возможность не спускать глаз с тех двоих.

Между тем они оказались весьма хитры. Должно быть, они не исключали того, что их выслеживают, поэтому никогда не выходили поодиночке и никогда – после наступления темноты. Две недели, каждый день, я колесил за ними повсюду, но ни разу не видел, чтобы они где-нибудь появились врозь. Дреббер большую часть времени был пьян, однако Стэнджерсон всегда оставался начеку. Ни на рассвете, ни на закате дня мне ни разу не представилось ни малейшего шанса; но это не обескураживало меня, внутренний голос подсказывал, что развязка не за горами. Я опасался только того, что моторчик у меня в груди заглохнет раньше, чем я завершу свое дело.

И вот однажды вечером я ехал по Торки-террас, той самой улице, где они квартировали, и увидел, что у входа в пансион стоит кеб, в который уже уложены вещи. Через несколько минут вышли Дреббер и Стэнджерсон, сели в экипаж и отбыли. Я хлестнул лошадь и последовал за ними на расстоя-

нии, но так, чтобы не упускать их из виду. Решил, что они переезжают на другую квартиру. Возле Юстонского вокзала они остановились. Я попросил какого-то мальчишку присмотреть за моей лошадью, вышел за ними на перрон и услышал, что они интересуются ливерпульским поездом. Железнодорожный служитель сообщил им, что поезд только что ушел, а следующий отправится лишь через несколько часов. Стэнджерсона это, похоже, расстроило, зато Дреббер казался скорее довольным. В вокзальной сутолоке я незаметно подкрался настолько близко к ним, что слышал весь их разговор. Дреббер сказал, что у него есть одно личное дело, и попросил своего спутника подождать его. Стэнджерсон запротестовал, напомнил, что они должны всегда держаться вместе. На это Дреббер ответил, что дело у него весьма деликатного свойства, поэтому свидетели ему не нужны. Я не разобрал слов секретаря, но его хозяин разразился в ответ на них грубой бранью и напомнил ему, что он всего лишь слуга, которому платят деньги, а посему не смеет совать свой нос куда не следует. Видимо, поняв, что спорить бесполезно, Стэнджерсон ограничился тем, что предложил следующее: если Дреббер опоздает на последний поезд, они встретятся в гостинице «Холидей». Заверив его, что будет на перроне не позже одиннадцати, Дреббер покинул вокзал.

Настал момент, которого я так долго ждал. Враги были теперь у меня в руках. Вдвоем они могли защитить друг друга, порознь каждый оказывался в моей безраздельной вла-

сти. Тем не менее не следовало проявлять опрометчивости и портить дело. План я выработал давно. Месть не принесет удовлетворения, если обидчик не осознает, от чьей руки и за что принимает кару. Согласно моему плану, я должен был сделать так, чтобы человек, причинивший мне горе, понял: это возмездие за его давний грех. Несколькими днями раньше пассажир, ездивший осматривать пустующие дома на Брикстон-роуд, обронил в моем экипаже ключ от одного из них. Ключ я вернул ему в тот же вечер, но сделал с него слепок, а позднее и дубликат. Таким образом, в моем распоряжении оказалось по крайней мере одно место в этом огромном городе, где я мог без помех осуществить свой план. Теперь предстояло решить непростую задачу: как заманить Дреббера в этот дом.

По дороге Дреббер зашел в одну, потом в другую пивную, в последней он провел с полчаса, а вышел сильно навеселе и заметно шатался. Прямо передо мной стояла пролетка, он сел в нее, а я поехал следом так близко, что моя лошадь почти касалась носом ее запяток. Громыхая по булыжникам, мы пересекли мост Ватерлоо и несколько миль тряслись по улицам, пока, к моему изумлению, не очутились у того самого дома, где еще недавно квартировали мои недруги. Я представить себе не мог, зачем понадобилось Дребберу туда возвращаться, но, остановившись неподалеку, увидел, что он вошел именно в этот дом. Дайте мне, пожалуйста, попить, – попросил Хоуп. – У меня в горле пересохло. – Я налил ему

стакан воды, и он залпом осушил его. – Теперь лучше, – сказал он. – Так вот, я ждал с четверть часа, может, чуть больше, когда в доме вдруг послышался шум – будто там происходила драка. В следующий момент дверь распахнулась, и появились двое мужчин: одним из них был Дреббер, другого, молодого, я никогда прежде не видел. Этот парень держал Дреббера за шкуру и, когда они подошли к краю ступенек, дал ему такого пинка, что тот отлетел чуть ли не к противоположному тротуару. «Эй ты, пес! – закричал парень, потрясая палкой. – Я тебе покажу, как оскорблять благородную девушку!» Он был в таком бешенстве, что непременно огрел бы Дреббера своей дубиной, если бы тот, как поджавшая хвост дворняжка, не бросился бежать со всех ног. Добежав до угла, он заметил мой кеб, помахал мне и, когда я подъехал, вскочил в кабину. «В гостиницу «Холидей»!» – скомандовал Дреббер.

Теперь, когда мерзавец оказался в моем собственном кебе, сердце у меня так забилося от радости, что я испугался, как бы оно не разорвалось раньше времени. Я медленно поехал вперед, мысленно взвешивая, как лучше поступить. Можно было, конечно, вывезти его за город и в каком-нибудь безлюдном месте поговорить с ним напоследок «по душам». Я почти уже решил так и сделать, но тут он сам подсказал мне другой выход. Дреббера снова обуяла жажда, поэтому он велел мне остановиться у пивного бара и ждать его. Из бара он вышел перед самым закрытием настолько пьяным,

что я понял: он – мой.

Не думайте, что я собирался хладнокровно прикончить его, хотя, поступи я так, это было бы только справедливо. Но не этого я хотел. Я давно уже решил дать ему шанс поиграть со смертью и, возможно, выиграть. Скитаясь по Америке, я чем только не занимался и как-то служил сторожем и уборщиком в лаборатории Йорк-колледжа. Однажды профессор читал там лекцию о ядах и продемонстрировал студентам некий алкалоид, как он назвал его, выделенный им из яда, которым южноамериканские индейцы пропитывали наконечники своих стрел. Этот алкалоид, по словам профессора, настолько ядовит, что один гран его вызывает мгновенную смерть. Я заметил склянку, в которой хранилась отравка, и, когда все ушли, немного отсыпал из нее. Я был неплохим провизором, поэтому приготовил растворимые в воде пилюли, добавил к ним алкалоид и поместил их в одну коробочку, а в другую положил неотличимые на вид, но безвредные пилюли. Я решил, что, когда придет мой час, заставлю обоих джентльменов вытащить одну из двух пилюль – на их выбор, – а сам приму оставшуюся. Это будет такая же смертельная, но куда менее шумная дуэль, чем стрельба из пистолета через носовой платок. С тех пор я всегда держал эти коробочки при себе, и вот представился случай воспользоваться ими.

Время приближалось к часу ночи, промозглой и темной, дул резкий ветер, дождь лил как из ведра. Несмотря на от-

вратительную погоду, очутившись в доме, я испытал радостный подъем – готов был кричать от ликования. Если кто-то из вас, джентльмены, когда-либо был одержим одной целью, преследовал ее двадцать долгих лет и вдруг оказался в двух шагах от ее осуществления, вы поймете, что со мной происходило. Я закурил сигару, чтобы немного успокоиться, но руки у меня дрожали, и кровь громко пульсировала в висках. Пока я ехал туда, из темноты на меня будто бы смотрели и улыбались старик Джон Феррье и милая моя Люси, я видел их так же ясно, как вижу сейчас вас. Всю дорогу до Брикстон-роуд их дорогие лица оставались со мной – одно справа, другое слева от лошадиной головы.

На улице не было ни души, нигде не слышалось ни звука – только дробь дождевых капель. Заглянув в кабину, я увидел, что Дреббер забылся пьяным сном, уткнувшись головой в колени. Я растолкал его и сказал:

– Приехали, пора выходить.

– Сейчас, парень, – ответил он.

Наверное, Дреббер думал, что я привез его туда, куда он велел, – в гостиницу. Поэтому, не сказав больше ни слова, он вылез и потащился за мной через палисад. Мне пришлось поддерживать его: он все еще качался. Когда мы подошли к двери, я отпер ее и завел Дреббера в переднюю. Вы не поверите, но все это время несчастные отец и дочь шли впереди нас.

– Какая адская темень, – проворчал Дреббер, переступая

с ноги на ногу.

– Скоро будет свет. – Я чиркнул спичкой и поднес огонь к фитилю восковой свечи, которую прихватил с собой. – А теперь, Енох Дреббер, посмотри на меня. – Я повернулся к нему и поднес свечку к лицу. – Узнаешь?

С минуту он стоял, уставившись на меня мутным пьяным взглядом, потом в его глазах стал проступать испуг, и жуткая гримаса исказила вмиг посеревшее лицо – Дреббер узнал меня. Зубы у него застучали, на лбу выступила холодная испарина, он попятился. Наслаждаясь его страхом, я прислонился к двери и громко, от души рассмеялся. Я всегда знал: месть – сладостное чувство, но не предполагал, что она доставляет душе такое блаженство.

– Ты, гнусный пес! – воскликнул я. – Я гнался за тобой от Солт-Лейк-Сити до Санкт-Петербурга, и тебе всегда удавалось ускользнуть от меня. Но теперь твоим странствиям пришел конец, потому что один из нас – либо ты, либо я – уже не увидит завтрашнего рассвета.

Пока я говорил, Дреббер продолжал пятиться, и по лицу его было видно, что он принимает меня за сумасшедшего. Впрочем, в тот момент я действительно был не в себе. В голове моей словно ухал кузнечный молот, и меня наверняка хватил бы удар, если бы кровь не хлынула вдруг из носа – это принесло облегчение.

– Ну что, помнишь Люси Феррье? – вскричал я, запирая дверь и размахивая ключом у него перед носом. – Долго же

мне пришлось ждать, но час возмездия для тебя настал.

Я наблюдал, как трусливо дрожат у него губы. Дреббер готов был молить о пощаде, но понимал, что это бесполезно.

– Ты убьешь меня? – запинаясь, спросил он.

– Это не убийство, – отвечал я. – Речь не о том, чтобы просто прикончить бешеного пса. Разве ты пожалел мою несчастную девочку, когда оторвал ее от зверски убитого вами отца и заточил в свой позорный гарем?

– Это не я убил ее отца! – испуганно возразил Дреббер.

– Зато ты разбил ее невинное сердце, – выкрикнул я и протянул ему аптечную коробочку. – Да рассудит нас Всевышний. Выбери любую из этих двух пилюль и проглоти. В одной из них – жизнь, в другой – смерть. Я приму оставшуюся, и посмотрим, есть ли на земле справедливость или все зависит от случая.

Забившись в угол, он стал дико вопить и молить о пощаде, но я вытащил нож и, приставив его к горлу Дреббера, заставил сделать то, что велел, после чего сам проглотил другую пилюлю. С минуту мы стояли, молча уставившись друг на друга, и ждали: кто из нас умрет, а кто останется жить. Никогда не забуду выражения его лица, когда он почувствовал первые приступы боли и понял, что принял яд. Я наблюдал за ним, злорадно хохоча и держа у него перед глазами обручальное кольцо Люси. Но все это длилось очень недолго: алкалоид действует мгновенно. Grimаса боли исказила черты Дреббера, он выкинул вперед руки, шатаясь, сделал несколь-

ко шагов назад и, захрипев, грузно рухнул на пол. Я перевернул его носком ботинка и приложил ладонь к его груди. Сердце не билось. Он был мертв!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.